

ДАРЬЯ БУЛАТНИКОВА

*Смерть в
объятиях
прибоя*

Дарья Булатникова

Смерть в объятиях прибора

«Автор»

2023

Булатникова Д.

Смерть в объятиях прибоя / Д. Булатникова — «Автор», 2023

Связанные давней студенческой дружбой герои проходят проверку страшными событиями – убит один из гостей особняка на берегу, и все говорит о том, что преступление совершил кто-то из них. И мотивы, и возможности были у всех. Что важнее – найти убийцу, отомстившего подлецу, или сохранить дружбу?

© Булатникова Д., 2023

© Автор, 2023

Дарья Булатникова

Смерть в объятиях прибоа

ПРОЛОГ

Море...

Как давно она не видела море, чтобы вот так – проснуться рано утром, подойти босиком к окну, отдернуть штору, и перед глазами – ослепительная бескрайняя лазурь. И розовое золото у самого горизонта, там, где поднимается солнце. И тающие в нем силуэты двух кораблей. И всё это сегодня принадлежит ей. И только ей!

Усевшись на подоконник, Женя с удовольствием полюбовалась спускающимися вниз по склону буйными зарослями кустов, усеянных красными и лиловыми цветами. Темная, слегка влажная зелень пахла по-южному томно и чувственно. А дальше, метрах в тридцати, начинался пляж, на котором пестрыми группками скучали лежаки, зонты и шезлонги. И ни души.

Женя не выдержала, кинулась в ванную, схватила высохший за ночь купальник и быстро вошла в него, путаясь пальцами в завязках. Больше ничего надевать она не стала, только сунула ноги в желтые сланцы, купленные специально в цвет купальника, схватила роскошное красное полотенце (полотенце было не её, она обнаружила целую стопку таких в шкафу) и побежала к морю.

На полпути ей стало смешно – бежит и дрожит, словно в предвкушении свиданья. А впрочем, так и есть, с детства она самозабвенно любила море, любила смотреть на него, пробовать на вкус горько-соленую воду, кидаться с разбега в его прохладные объятия. А ещё она любила шторм, когда море становится свинцовым и тяжелым, хлещет в берег и зло шипит, отползая. Если успеть, то можно до следующей волны подбежать и выхватить мокрый зеленый окатыш из бутылочного стекла или очумевшего, помятого прибоем крабика, или пробку от заморского вина. И быстрее назад, от догоняющей пенистой воды, которая может больно ударить галькой по щиколотке и даже сбить с ног.

Но сегодня море было шелковым – абсолютный, безупречный штиль. Да и Женя уже не та голенастая девчонка с выгоревшими непослушными прядями волос и шелушащимися от непривычно горячего солнца плечами, которую родители часами не могли заставить вылезти из воды. И всё равно – ощущение немислимого счастья и беззаботности переполняло её душу до краев, не оставляя места для чего-то другого.

Пляж был довольно просторным – около ста метров берега, с обеих сторон огороженного высоким кирпичным забором, поверху увенчанным острыми штырями, а там, где начиналась вода – густая сетка по бетонным столбам. Обогнуть, конечно, можно, всего-то метров тридцать проплыть, но Борис уверял, что вряд ли кто на это осмелится, за последние годы научились уважать частную собственность. Вернее, научили. Собаки, хоть и запертые в вольеры за домом, все равно выглядели внушительно – два кавказца и доберман. На гектар территории меньше нельзя.

С берега, заключенного в объятия ограждений, выдавались в море два волнореза, или пирса, как называл их Борис. Он обещал, что сегодня к одному из них пришвартуется его яхта, и они проведут послеобеденное время, катаясь на ней. Подумать только, лупоглазый неуклюжий Борька – владелец такого огромного дома и яхты. Кто бы мог такое представить лет пятнадцать назад?

Женя оставила полотенце на белоснежном лежаке и разулась. Галька была ещё прохладной и идти по ней босиком было приятно. Кое-где она казалась влажной, словно кто-то уже пробежал по ней мокрыми ногами. Крошечная волна лизнула ступню. Вода, прозрачная, зеленоватая и по-утреннему теплая принимала её постепенно, шаг за шагом. А потом Женя не выдержала, бросилась рыбкай вперед, нырнула, не заботясь о причёске. В воде открыла

глаза, выдохнула воздух и поплыла вперед размашистым кролем. Плавать она умела и любила. Только вот давно не было возможности. Разве что в бассейне, но это совсем другое – суррогат, пахнувший хлоркой и чужими телами.

Она вошла в море между левым пирсом и сеткой, и теперь, сделав широкую дугу, плыла вокруг длинной бетонной полосы, на которой стояло три шезлонга, сплетенных из ивовых прутьев. Раньше Женя видела такие только в кино, и они своими круглыми оголовьями напоминали ей саркофаги египетских мумий. Вчера ей довелось посидеть в одном – очень удобно, можно развернуть его так, чтобы верх полностью защищал голову от солнца, а тело загорало.

Перевернувшись на спину, она раскинула руки и зажмурила глаза. Море почти незаметно покачивало её, легко удерживая в своих в широких добрых ладонях. Только свет и вода – больше ничего не существовало в этом мире. Только море и она.

Сколько она так пролежала – неизвестно, может быть, пять минут, а может, и полчаса. Потом снова нырнула и под водой поплыла к пирсу. Чувствовался утренний прилив, помогавший двигаться быстрее, хотя ей это было и не нужно. Но приятно. С пирса спускалась металлическая лесенка, и она вскарабкалась по ней, постояла, нежась в начавшем теплеть воздухе. Ерошила пальцами мокрые волосы, чтобы хоть немного просохли, растирала ладонями по телу соленые капли. Потом, не спеша, побрела по шершавому бетону к берегу, вглядываясь в воду. Та была настолько прозрачной, что хорошо было видно дно, редкие бурые водоросли, круглые ракушки и стайки мальков, внезапно сверкающих чешуей и исчезающих непонятно куда.

Уже дойдя почти до конца, вернее, до начала пирса, Женя заметила ещё одну ракушку, забившуюся в щель между бетоном и металлическим основанием тумбы, наклонилась, было, за ней, но её отвлекло что-то непонятное, плавающее неподалеку. Оно было голубоватым, но не таким прозрачным, как вода, более плотным и тяжелым. Между пирсами расстояние метров тридцать, и это что-то было, вроде бы, поближе к другому, правому. Поэтому Женя быстро добежала до берега – отсюда было вообще ничего не разглядеть, слишком малый угол зрения – миновала эти тридцать метров и шагнула на другой пирс.

Теперь она шла медленно, осторожно огибая невысокие чугунные тумбы. Кажется, их называют кнехтами? Наверняка в воде плавает какая-то глупость, вроде унесенной у какого-нибудь ротозея рубашки или даже штанов, уговаривала она себя. Или старая дырявая резиновая лодка, или просто драный полиэтиленовый пакет. Или...

Это был не пакет. И не лодка. Хотя рубаха и штаны были. Джинсовые. А в них был Сашка Вершинин. Женя как-то сразу поняла, что это он, хотя мужиков в таком наряде можно встретить на побережье тысячи, если не десятки тысяч. Но это был именно Сашка – подойдя поближе, к самому краю пирса, она сквозь воду видела уже и знакомые черты его лица, вокруг которого ореолом колыхались темные волосы, и открытые глаза, и свешивающийся на цепочке с шеи серебряный крестик. Утопленник почти лежал на дне, паря над ним в расслабленной позе. И был совсем рядом, в метрах в трех от неё.

Отпрянув, она больно ушибла палец ноги о кнехт. Или эта штука все же называется не кнехт? Швартов? Нет, швартов, это канат, которым привязывают к причалу корабли. Господи, о каких глупостях она думает, когда рядом в воде плавает труп! И не просто труп, а труп Сашки Вершинина! Черт, черт, черт!

Оказывается, она уже мчалась по пирсу к берегу и дальше – по террасе к дому. Шлепанье босых ног по каменной лестнице звучало в утренней тишине просто кошунственно, нужно хотя бы придержать тяжелую входную дверь. Со вчерашнего вечера она помнила, как громко хлопает эта дурацкая дверь. Как будто у Борьки не хватает денег, чтобы установить на ней придерживающий механизм. Опять она думает черт знает о чем, вместо того, чтобы сообразить, куда бежать и кого звать!

В холле было абсолютно пусто. Да и зачем тут кто-то – не гостиница, чай. А охрана есть, есть охрана, да только она сидит в сторожке у ворот. Туда бежать? Нет, все равно нужно разыс-

кать Борьку, он хозяин, ему и решать. Пусть сам сообщает куда надо, ей и без того впечатлений хватило!

Так, стоп! Нужно остановиться и вспомнить. Когда Борис показывал им дом, то сказал, что их с Алиной спальни на первом этаже. Туда он их, конечно, не водил, но терраса огибаёт дом справа, скорее всего, спальни выходят окнами туда, потому что кухне и прочим хозяйственным помещениям терраса совсем ни к чему. И что теперь, стучать во все подряд двери, выходящие в правый коридор? Тут Женя сосредоточенно потерла виски. Нужно взять себя в руки и просто подумать. Но просто подумать не удавалось, в сознании занозой сидела мысль о том, что она плавала рядом с мертвецом. А что если бы она проплыла дальше, нырнула и увидела его под водой? Кожа моментально покрылась пупырышками, и Женя поежилась. Нельзя думать об этом, она должна сохранять присутствие духа.

Она опять выскочила на террасу. Нужно пройти вдоль окон и постараться отыскать, за каким из них дрыхнет Борька. Да, именно так. Конечно, заглядывать спозаранок в окна спальни – моветон, но обстоятельства чрезвычайные, и это лучше, чем барабанить в двери, будя всех подряд. Неужели она продолжала надеяться на то, что можно ещё что-то исправить?

Первые два окна были закрыты и плотно занавешены шторами. Кто за ними? А вот третье, распахнутое настежь, было как раз то, которое она искала. Тонкая полупрозрачная занавеска колыхалась от почти незаметного ветерка, позволяя рассмотреть огромную кровать, поперек которой распласталось волосатая тушка в полосатых трусах. Женя отодвинула занавеску и тихонько позвала:

–

Борь! Борька, проснись!

Но спящий даже не пошевелился. Да, вчера они изрядно набрались, теперь попробуй, добудись. Жене ничего не оставалось, как лезть через окно. Она уселась на подоконник – что можно подумать о женщине, спозаранок проникающей в одном купальнике в мужскую спальню? – свесила ноги внутрь комнаты и спрыгнула на мягкий ковер.

Борис открыл глаза и бестолково уставился на неё только после того, как она потрясла его за плечо.

–

Женька? – изумился он. – Ты чего?

–

Борис, вставай немедленно! Тут такое дело...

–

Отстань, дай поспать! Мне только что такой сон начал сниться... ммм... – заныл, норовя зарыться в подушку, Борис.

–

Вершинин утонул! Нужно что-то делать, если начнется отлив, его в море может унести. Поднимайся! – потащила его Женя за руку с кровати.

–

Сдурела? Как Вершинин? Как утонул?! – Борис уселся среди скомканных простыней и ошалело уставился на Женю. – Разыгрываешь? – жалобно спросил он.

–

Делать мне больше нечего! Говорю – у пирса в воде Сашкин труп плавает!

Слово «труп» подействовало на Бориса на манер электрошокера – он дернулся и схватился за помятую физиономию, словно у него внезапно заболели коренные зубы.

–

И что делать? – промычал он.

–

Ну, думаю, что нужно милицию вызывать.

—

А «скорую помощь»?

—

Борь, какая «скорая»? Он у самого дна плавает, и думаю, что уже давно. Скорее всего, с ночи. Не полез же он в штанах спозаранок поплавать... — Тут Жене вспомнилась её безмятежная утренняя радость от купания и она застонала.

—

В штанах? — Борис внезапно вскочил и схватил её за руку. — Пошли, покажешь, где он!

—

А милицию?

—

Пока сам не увижу, никуда звонить не буду, — Борис дергал дверь, забыв отпереть замок. — Мало ли чего тебе померещилось, вдруг Сашка жив-здоров, а мы тут шухер устроим.

—

Ладно, пошли, только сотовый с собой прихвати, чтобы туда-сюда не бегать, — смирилась Женя.

Борис вернулся в комнату, отрыл среди простыней измятые шорты и выудил из их кармана телефон. После этого они рысью побежали к берегу. Борис сопел и отдувался.

В воде ничего не изменилось. Сашка Вершинин всё так же безмятежно парил, словно в невесомости.

Женя уселась на кнехт.

—

Всё, звони в милицию.

—

Погоди... — Борис, рискуя свалиться в воду, наклонился с пирса. — Посмотри, что у него там, на голове?

—

Да иди ты... Ни за что не буду смотреть! Пусть милиция этим занимается. — Женя внезапно ощутила дикую усталость, даже в затылке заломило. Отдохнули, называется...

—

Надо звонить...

Борис сосредоточенно принялся тыкать в крошечный телефонный аппаратик короткими загорелыми пальцами. Несколько раз подряд вызов сорвался — пальцы заметно дрожали. Наконец, получилось, и он с надрывом забубнил в трубку какие-то слова, словно оправдывался перед кем-то, что Сашка утонул.

А ведь так замечательно всё начиналось...

ГЛАВА 1

Женя ненавидела поезда и старалась либо летать самолетами, либо уж сидеть дома. Но в этот раз пришлось переступить через собственные предпочтения, слишком хотелось съездить на встречу однокурсников, а с деньгами было туго. Очень туго. Да и не в однокурсниках, собственно, была главная причина, просто она давно не была на море, отдыхала в последний раз... да, в последний раз она четыре года назад с Сенькой в пригородном санатории отдыхала, когда лечила ему тонзиллит. А тут — такая возможность.

После почти полутора суток, проведенных в душном купе, она с облегчением вышла на раскаленный перрон. Что там Борис говорил по телефону? Фонтан перед вокзалом? Ну, пойдём искать фонтан.

Обзаведясь на ближайшем лотке баночкой ледяного «Спрайта» и то прихлебывая из неё приятно щиплющую язык кислую водичку, то прижимая холодную жёсть к щеке, она потащи-

лась к подземному переходу. Асфальт мягко подавался под каблуками – жара... Фонтан Женя увидела сразу, как только вышла на небольшую уютную площадь. Он весело журчал, невысокими струйками орошая позеленевшую фигурку девушки с кувшином на плече. Девушке Женя от всей души позавидовала. И только потом стала озираться в поисках обещанных ориентиров.

Ориентир обнаружился в виде кудрявого, загорелого до черноты парня в легкомысленной детской панамке. Парень сидел на скамейке, осеняемой тенью платана, и держал в руках пластиковую табличку с надписью «Азалия». Так незатейливо именовалась дача Бориса. Табличка была черной, а надпись выполнена алым – траурное сочетание. В самом низу таблички скотчем прилеплена бумажка с именем Бориса Ротмана. «Для тех, кто страдает склерозом» – подумала Женя и направилась к парню. Тот оживился и вскочил.

–

Евгения Шереметева, – представилась она, с удовольствием прислушиваясь к звучанию собственного имени в густом южном воздухе. Вот ведь, сколько лет она уже носит фамилию Шереметева, а до сих пор испытывает по этому поводу довольно глупую гордость. Графиня, черт побери! Хотя таких «графинь», если поискать, отыщется вагон и маленькая тележка. Но для девчонки, которую в школе дразнили Козой за фамилию Козинцева, волшебство простого сочетания букв значило много. Возможно, она и за Марка так стремительно вышла замуж именно из-за фамилии? Ответ на этот вопрос Женя и сама теперь не знала.

Парень извлек из нагрудного кармана рубашки листок бумаги, сверился с ним и кивнул.

–

Добро пожаловать, Евгения Аркадьевна! – патетично воскликнул он и указал куда-то за фонтан. – Машина на стоянке. Алина Станиславовна и Борис Михайлович ждут гостей дома. Позвольте вашу сумку.

Женя охотно отдала ему свой баул с надписью «Спорт» на двух языках и улыбнулась.

–

Меня зовут Паша, – представился водитель, поправил панамку и зашагал к большой синей машине.

Женя одним глотком допила «спрайт», швырнула пустую жестянку в урну и охотно последовала за ним.

Хотя Женя и успела налюбоваться видом лазурного моря пока поезд шел вдоль побережья, все равно дух перехватило, когда они после крутого виража внезапно выехали на шоссе, прилепившееся к склону горы, и море оказалось внизу, в обрамлении парков и отелей, пляжей и частных домов-дворцов. За полчаса, которые потребовались, чтобы доехать до обители Бориса, Женя не только успела полюбоваться мелькающими пейзажами, но и узнала, что, кроме неё, сегодня уже приехали Вася Пинчук, Дина Макеева и Ольга с дочерью. Когда Паша произнес Ольгину нынешнюю фамилию – Гилберт, Женя усмехнулась. Видел бы ты этого господина Гилберта, парень! Интересно, на каком жизненном этапе Ольга рассталась с Ронькой Гилбертом, чернокожим раздолбаем и двоечником? Но звучную фамилию сохранила. Как, впрочем, собирается сделать и сама Женя – вновь именоваться Козинцевой после ставшего неизбежным развода она не планировала.

К высоким и неприступным, несмотря на ажурность, воротам они подкатили как раз тогда, когда в них въезжала другая машина. Паша просигналил, чтобы створки не закрывали, и они вкатились на мелкую брусчатку, которой был вымощен двор. С неохотой Женя покинула прохладу, навеваемую кондиционером, и опять окунулась в зной.

Навстречу уже спешил расплывшийся в улыбке и растопыривший для объятий руки Борис, а от элегантного серебристого «мерседеса» небрежно махала рыжеволосая сексапильная дама в белых брюках и шифоновой, завязанной узлом на животе кофточке. Надька. Только её, охотницы, тут и не хватало! То-то Алина обрадуется.

Пообнимались с огромным и горячим, словно печка, Борисом, Женя вслед за ним пошла по дорожке, огибающей дом. Сбоку к ним пристроилась Надежда. Поздоровались они с Женей сдержанно, особой дружбы между ними не наблюдалось и в студенческие годы, скорее, наоборот. Так что изображать горячую радость от встречи обе воздержались. Борис, покосившись на них, фыркнул:

– Шереметева и Кузьменко в своем репертуаре! Ничего, дом большой, поселим вас подальше друг от друга, чтобы антагонизм не усиливать. Ну, как вам моя дачка?

Да, дом производил впечатление! Ещё зимой, когда они собрались на ежегодной встрече выпускников в незабвенной альма-матер, Борька хвастался, что вовремя подсуетился и приобрел почти за бесценок ведомственную дачу некоего ликвидированного министерства и приводит её в порядок. Дача и сама по себе хороша, но главное, что она расположена у моря, участок огромный и даже пляж собственный есть – в общем, изумительная недвижимость! Никто не сомневался, что простым смертным такая удача подвалить не может – наверняка без связей Ротмана-старшего дело не обошлось. На той встрече Борька и пригласил всех бывших одноклассников ещё раз встретиться у него на этой самой даче летом, и тогда уже пообщаться вволю. Алина, прищепкой висящая на локте мужа, возражать не посмела, только кисло улыбнулась.

«Интересно, кто ещё приедет?» – подумала Женя, поднимаясь по широким каменным ступеням и любуясь фасадом Борькиной «дачки».

Дом был выстроен во времена, когда ещё не были столь популярны бетонные панели и хилые балкончики, огороженные такими же хилыми железными полосками. Двухэтажное здание из светлого туфа, опоясанное балюстрадами и увитое плющом до самой крыши выглядело просто замечательно. Каменные террасы каскадом спускались к самому пляжу, на террасах стояли белые скамьи и вазоны с цветами. Как будто вокруг было мало растительности – пальмы, кипарисы, магнолии, не говоря уже о пышно цветущих кустах гибискуса и гортензии. Просто ботанический рай!

Оглядываясь и сожалея, что не может прямо сейчас пойти и окунуться в шаловливо набегающие на гальку волны, Женя через двустворчатую, несколько помпезную дверь вошла в слегка пахнущей свежей краской прохладный сумрак. Да, тут явно все было недавно переделано и отремонтировано. Хотя нет, не всё: двумя полукружьями сбегаящая в холл лестница осталась явно с тех времен, когда под эту крышу привозили исключительно именитых гостей.

Словно в подтверждение её мыслей, Борис важно произнес:

–

Только недавно закончили с ремонтом. Но зато теперь тут всё так, как хотелось нам с Алиной.

–

А где сама? – бестактно перебила его Надежда.

–

Алина уехала в город, хочет проследить, чтобы продукты были закуплены самые свежие, а то если не доглядеть, то потом половину можно будет выбросить. Жара всё-таки изрядная.

–

Какой ты обстоятельный хозяин, Боб! – промурлыкала Надька, кошачьей вкрадчивой походкой двигаясь по периметру помещения.

Борис поморщился. Он не любил, когда его называли Бобом. Похоже, что Наденьке захотелось хоть немного ему досадить. Когда-то рыжая хищница имела на него виды, и вполне серьезные. Помешала их реализации Алина, смуглая и капризная Алина, мигом окрутившая тюфяка Борьку и умудрившаяся столько лет держать его на коротком поводке. Алина, конечно, тоже не подарок, с её склонностями к публичным истерикам и экзальтированностью вкусов. Но, по крайней мере, она хотя бы создает видимость обожания супруга и более терпима в

повседневности, чем Надежда, видящая в каждом встречном индивидууме мужского пола объект для очередного сафари.

Женя вздохнула, вспомнив, как однажды во время какой-то вечеринки Кузьменко откровенно вешалась на шею Марку, что-то шепча ему на ухо во время танца и бросая издевательские взгляды на её, Женин, круглый живот. Да, это было на Новый год, как раз через месяц родился Сенька... Нет, Женя не была ханжой, но неприкрытая наглость и алчность Надежды её всегда раздражали. Хотя Наденька могла и беззащитной овечкой или милой кошечкой прикинуться, но надолго её мимикии обычно не хватало – из пушистых шкурок довольно быстро вылезали жадные коготки. Странно, что, сбегав пару раз замуж, она так и не преуспела в финансовом плане. Или всё же преуспела?

От довольно противных воспоминаний Женю отвлекли радостные возгласы: по лестнице спускались Дина в длинном сарафане, разрез которого при каждом шаге заманчиво обнажал стройные ноги, и Ольга в коротком халатике, завязанном на талии наподобие кимоно для борьбы дзю-до. Они явно собрались на пляж. Бросив на ступени пляжную сумку, из которой немедленно выкатилось румяное яблоко, Дина бросилась на шею подруге:

–

Женька! Всё-таки приехала! Господи, как же я соскучилась!

–

Самой не верится! – чмокнула её в щёку Женя. – В прошлый раз и поговорить толком не удалось.

–

Ну, зато теперь наговоримся, – присоединилась к их объятиям Ольга. – Ты в какой комнате?

–

В желтой, в какой же ещё, – ввязался в их разговор Борис, – я сразу Альке сказал – желтую комнату займет Цыпленок!

Женя засмеялась. В институте её прозвали Цыпленком за любовь к желтому цвету, она обожала желтые свитера и блузки, да и проекты у неё большей частью были в охристо-солнечной гамме. И тут вдруг вспомнилось, что первым назвал её Цыпленком Марк, будущий муж. Помнит ли он теперь то дурашливое прозвище? Вряд ли...

Дина, заметив пробежавшую по лицу Жени тень, словно угадала её мысли, затеребила, уговаривая сейчас же идти с ними загорать.

–

Хорошо, только мне нужно переодеться! – согласно кивнула Женя. – Где тут твоя желтая комната, Борька?

–

Твоя, а не моя! На втором этаже, где же ещё? Там на дверях цветочки разные – найдешь, чай не маленькая, – надулся Борис. – А дом, значит, смотреть не хочешь?

–

В том-то и дело, что хочу! Интересно, во что ты превратил этот оплот соцмодерна. Девочки, я к вам совсем скоро присоединюсь, – с некоторым сожалением помахала рукой Женя, направляясь вслед за Борисом и Надеждой, к которой так никто с объятиями и не кинулся, и она все это время срывала свою злость на чайных розах, стоявших в большой вазе на полу между дверями. Кремовые лепестки печально устилали теперь матовую серую плитку. Да, слишком живучи старые обиды, даже теперь, через столько лет память о них не забывается.

Жене в доме понравилось всё: и светлая столовая с большим овальным столом и стеклянными горками с фарфоровой посудой и статуэтками, и строгая, облицованная темным деревом библиотека – явная стилизация под викторианскую Англию, и гостиная с камином из тесаного бурого камня, уютными креслами и всякими декоративными железьяками, развешенными на

стенах. Но больше всего ей понравилось именно это странное смешение стилей и совершенно разные ощущения от помещений, словно каждый раз попадаешь в другое время.

—

Ну, гостевые спальни наверху отличаются только цветом отделки, — явно удовлетворенный произведенным эффектом заключил Борис. — Тут, внизу ещё кухня со всякими подсобками, наши с Алиной спальни, мой кабинет и детская. Но Вовка сейчас выслан в Штаты языку учиться, так что если будет народу побольше, чем планировалось, кому-то придется спать в здоровенном паровозе на полосатом матрасе. Надеюсь, что не мне!

—

Так вы с Алиной спите порознь? — демонстративно поинтересовалась Надежда, ковыряя пальцем гобелен на стене гостиной.

—

А зачем нам спать вместе, если я храплю, как простуженный кашалот, и не даю ей спать? — изумился Борис. — А она читает до рассвета всякую белиберду и постоянно шастает на кухню за ледяным соком? Нет уж, натерпелись, хватит!

—

Ребята, вы тут беседуйте дальше, — вздохнула Женя, — а я пойду искупаюсь, после поезда хочется окунуться. Дачка у тебя, Борь, просто чудо, но море все-таки чудеснее.

—

Иди, только не заболтайтесь там с девчонками, ужинать в семь часов будем, — напутствовал её Борис, неохотно оставаясь на растерзание отчего-то злящейся Надежды. «Хоть бы Алина скорее вернулась, или ещё кто-нибудь приехал» — было написано на его загорелой физиономии.

Словно стараясь ему угодить, через раскрытое окно донесся сигнал автомобиля, и хозяин дома, галантно извинившись, поспешил во двор. На лице остававшейся в одиночестве Надежды обозначилось явное разочарование.

Поднявшись по лестнице, Женя увидела ещё один холл. В центре его в солнечных лучах, падающих через огромное, с частыми переплетами окно, очень эффектно смотрелась полуабстрактная скульптура обнаженной девушки. Да, Алина зарыла свой талант в землю, пусть даже и в гектар субтропической земли. Женя обошла вокруг. Вроде бы ничего особенного — тонированный искусно состаренной тусклой позолотой гипс, а какая динамика и экспрессия! Фигура словно парила над пьедесталом. Внезапно часть окна распахнулась, оказавшись дверью, и появилась изящная фигурка, показавшаяся Жене тоже скульптурой.

—

Здравствуйте, — вежливо сказала скульптура и, закрыв дверь, прошла вперед. Теперь бьющие сзади лучи не мешали рассмотреть девушку. Вернее, это была почти девочка — девчонка в крошечных шортиках и маечке до пупа. Грустные серые глаза в пол-лица и копна темно-пепельных кудрей. На шее — кожаная тесемка с несколькими маленькими розовыми раковинками. В руках девчонка держала здоровенный фолиант. Приглядевшись, Женя прочитала название: «

Necronomicon

». Ничего себе книжки читает милый ребенок!

—

Я Инга, — продолжила юная читательница древних манускриптов. — Инга Рыжова.

—

Инга! — обрадовалась Женя, к собственному стыду, успевшая уже позабыть, что водитель говорил ей о том, что Ольга приехала с дочкой. — Ты, конечно, меня не помнишь. И хулигана Сеньку, приятеля по яслям, тоже?

—

Не помню, – согласилась Инга. – Но мама рассказывала и ещё я вас на фотографиях видела – и Сеньку, и вас, Евгения...

–

Тогда зови меня Женей, ладно? Без всяких там отчеств и тем более «тётъ»!

–

Хорошо, – наконец-то улыбнулась девчонка. – Мы здесь с утра, так что если что-то нужно подсказать...

–

Нужно! Где тут желтая комната? – тут вдруг в голову Жени пришла мысль о собственном багаже. – Ох, я кажется, свою сумку в машине забыла!

–

Ну, это вряд ли, шофер должен был занести багаж в апартаменты, – со смешливой надменностью утешила её Инга и почесала аккуратный точеный носик. – Во всяком случае, это можно легко проверить! Пойдемте.

С этими словами она сорвалась места и потащила Женю за собой направо по коридору, на ходу поясняя:

–

В красной комнате живет дяденька, который прибыл раньше всех. Василий... хм, не помню. Ну, допустим, Василий Алибабаевич.

Женя откровенно расхохоталась. Отчества Васи Пинчука она отродясь не знала, но «Алибабаевич» ужасно подходило румяному шуту Ваське.

–

В оранжевой пока никого нет. А мы с мамой – там, дальше, в фиолетовой, хотя она скорее сиреневая.

–

«Каждый охотник желает знать...»? – догадалась Женя.

–

Именно! А вот и ваша желтая спальня, – с этими словами Инга распахнула дверь с изображением одуванчика.

Действительно, дорожная сумка Жени стояла около широкой кровати, застеленной пушистым светло-желтым покрывалом.

–

Ну вот, – удовлетворенно произнесла Инга и перехватила тонкими пальцами тяжелую книгу, норовящую выскользнуть у неё из рук. – Пойду ещё на балконе почитаю.

–

А на море? – удивилась Женя, дергая молнию на сумке, упрямо не желавшей открываться с первого раза. – Неужели можно читать рядом с морем?

–

Если я обгорю, то облезу, – рассудительно сообщила Ольгина дочь. – Два часа на солнце я уже пробыла, больше в первый раз не стоит. – Хотя я и не Белоснежка... – она покрутила смуглым локтем.

Да, Инга, дочь жгучего и знойного брюнета Альберта Асафовича Искандерова, конечно же, и не могла быть Белоснежкой. Женя словно перенеслась почти на двадцать лет назад, в пахнущий пыльной бумагой класс рисунка и увидела поджарую фигуру Искандерова, вкрадчиво объясняющего очередной первокурснице, как правильно держать карандаш, чтобы не размазывать рисунок и иметь свободу движения руки при штриховке. И мелькнуло в памяти довольное лицо Ольги, вернувшейся с очередного свидания в заваленной рулонами ватмана и подрамниками комнатенки на задворках кафедры. Но не удалось тогда Ольге охмурить увертливого и безнадежно женатого ловеласа Алика. И аборт делать было поздно. Так и появилась на свет

эта красивая девчонка с грустными глазами, прижимающая к голому животу «Nesgopomicon» в подарочном издании. Интересно, кому такую книгу можно подарить? И по какому поводу?

Когда Женя вытряхнула, наконец, на кровать из сумки свои вещи, Инга уже исчезла. Осмотревшись, Женя обнаружила дверь в ванную комнату. Ничего особенного там не было, самый обычный совмещенный санузел, правда, все новенькое и блестящее, словно на выставке-продаже какой-нибудь итальянской фирмы. А комната ей понравилась – просторно и ничего лишнего. Только кровать, пара кресел, шкаф с раздвижными зеркальными дверцами, туалетный столик и телевизор на хромированной подставке. Ну и, конечно, огромная копия «Подсолнухов» Ван Гога на стене. Желтое – значит, желтое! Хотя, пожалуй, больше бы сюда подошел пейзаж Вламинка или Писсарро. Но это уже дело личного вкуса. Дареному коню, как говорится...

Она переоделась в купальник и легкомысленную, прикрывающую только плечи и грудь кофточку, обернула вокруг бедер пеструю юбку-парео. Подумав, все же прихватила шелковую косынку. Вспомнила Ингу, боящуюся обгореть на солнце, и усмехнулась: надо же, какие рассудительные дети у них выросли. Сенька вот тоже... Лучше сейчас не думать об этом. Лучше потом, когда вернется домой. Как он там без неё, сын? Был смешной карапуз, вечно шлепающийся на попку и проносающий мимо рта ложку с кашей. А вырос уже совсем большим и независимым. Мужчина.

Размышляя об этом, Женя сбегала по лестнице к пляжу. Где же девчонки? Ага, вон виднеются в воде две головы – плавают, значит. Да уж, девчонки... У одной дочь почти взрослая девица. Сколько Инге лет? Шестнадцать должно быть, как и Сеньке. А у другой сыновья-погодки. Им лет по одиннадцать-двенадцать. Или меньше? Нужно спросить.

—

Женя? – раздалось сзади.

Обернувшись и едва не потеряв от неожиданности равновесие, она увидела, что прямо на неё бежит по ступеням высокий парень в светлой просторной рубашке и шортах. И только вблизи узнала:

—

Митька?!

В следующий момент она повисла на его шее. А он обхватил её так, что заныли ребра, закружил, рискуя вместе с ней грохнуться с лестницы.

—

Женька! А мне Борька говорил, что вы с Марком можете не приехать!

—

Митя, Марк не смог, а я и сама не верю, что вырвалась! А сам-то – хоть бы раз на встречу институтскую приехал! И зимой тебя не было.

—

Я был в прошлом году. А в этот раз не мог – ползимы в Швеции торчал, чуть с ума от тоски не сошел. И на десятилетия тоже был. А вот вас, сударыня тогда не было, – он шутливо щелкнул её по носу, поставив наконец на ступеньку так, что её лицо было почти вровень с его.

—

Да, получается, «мы оба были, я у аптеки...» – Женя засмеялась, но отчего-то ей стало вдруг грустно. Сколько лет она не видела Митю Палия? Десять? Двенадцать? Нет, все же десять, через два года после окончания института они с Марком ездили в Москву и попали на день рождения Дины. Тогда там был Митя, но толком поговорить они не успели – он довольно быстро ушел, сославшись на семейные дела.

—

Ну, рассказывай! – он снова попытался щелкнуть её по носу, но она увернулась.

—

Да что рассказывать? Я все там же и все та же, – ей вдруг захотелось посидеть с Митей где-нибудь в укромном месте, поплакаться ему в жилетку, но это было нельзя. Во-первых, снизу уже кричали и махали им руками вылезшие из воды Ольга и Дина. А во-вторых... что во-вторых, она сформулировать не могла, но это была куда более веская причина. Поэтому она только спросила:

–

Ты когда приехал?

–

Да только что, минут десять назад!

–

Поездом или самолетом?

–

На машине! Я потом планирую по побережью проехаться, давно в отпуске не был, так что оттянусь по полной программе. Может, вместе? – Он хитро прищурился. – Если хочешь, и девчонок возьмем, чтобы тебе со мной скучно не было.

–

Митька, когда это мне с тобой скучно было? – фыркнула Женя. – Но я не могу, у меня Сенька один дома остался.

–

Один? – немедленно среагировал Митя. – А как же любящий отец, почему ребенка одного оставили? Кстати, сколько ему? Четырнадцать? Пятнадцать?

–

Шестнадцать. Совсем взрослый.

–

И совсем взрослый парень не проживет один пару недель? Не смейся, он, небось, счастлив без памяти остаться без вашей опеки! А куда, все-таки, ты подевала Шереметева?

–

Мить, не спрашивай меня про Марка, – попросила она. – По крайней мере, не сейчас. Я потом тебе расскажу.

–

Это так серьезно? – он заглянул ей в глаза и подтвердил: – Серьезно. Значит, не будем о серьезном. Спускайся вниз и быстро плыви на середину моря, я тебя догоню. Только штаны на плавки сменяю!

Она засмеялась и отчего-то сказала:

–

У тебя, Митька, виски совсем седые.

–

Да? – Он озабоченно почесал в затылке. – Как бы мне сегодня не помереть от старости.

И тут Женя поднялась на цыпочки и чмокнула Митю в пахнущую бензином колючую щеку. А потом побежала вниз по лестнице. А он стоял и смотрел ей вслед. И думал, что виски у него и вправду – совсем седые. Черт!

ГЛАВА 2

Женя сидела на лежаке, стиснув виски холодными пальцами.

Борис нервно ходил по пирсу, то и дело бросая короткие взгляды в воду.

Они были похожи на супружескую пару, уронившую в воду ценную вещицу и ждущую, когда прибежит мальчишка-ныряльщик и достанет её со дна. Но на самом деле, на дне было то, что им обоим ещё вчера было достаточно безразлично – к Сашке Вершинину в их группе всегда относились с прохладцей. Он был старше их всех лет на семь, успел пройти армию и, говорили,

даже успел отсидеть небольшой срок за какое-то мелкое безобразие. Так что особой дружбы между девочками и мальчиками, поступившими в институт сразу после школы, и взрослым парнем с не совсем приличной наколкой на плече, быть не могло. Хотя к третьему-четвертому курсу различия сгладились, и Сашка вполне вписывался в их пеструю компанию, на вечеринках приучился сдерживать язык и не материться через слово, если возникало желание покурить травку – деликатно уходил на кухню и никому не предлагал затянуться косячком. Наркотики в их среде были не в ходу. Почти не были.

Для чего он поступил в архитектурный? Особых способностей за ним не наблюдалось, он и рисовал-то криво-косо, и чертил черт знает как. Только аэрографом орудовал довольно умело. Говорили, что отчим у Сашки – крутая шишка, вот и придал незадачливому пасынку ускорение – получай, дескать, диплом, парень. А иначе пойдешь вкалывать. Ну, Сашка и двинул поближе к богеме – к точным наукам способностей у него не было никаких, писал с потрясающим количеством ошибок. И куда оставалось? В архитекторы.

Женя усмехнулась. В архитекторы... Считанные единицы из их группы после защиты диплома стали работать по специальности. Хотя они с Марком старались. Да и сейчас её работа напрямую связана с дизайном. А вот Марк... Палий и Динка и сейчас вроде бы проектируют. Но они давно перебрались в Москву, а там во все времена строили и строили. А остальные? Большая часть подвизалась в коммерции разной степени тяжести и успешности. Гоблин преподаёт в их же институте. А Сашка Вершинин? Она не знала. И не говорил вчера никто. Почему? Кажется, все о себе что-нибудь да рассказали, даже скрытная Надежда хвасталась, что занимается моделированием одежды и зарабатывает на хлеб с маслом. А вот Сашка от расспросов ушел. Может быть потому, что приехал позже всех, во время ужина, когда они уже выпили не по одному бокалу пахнущего солнцем тягучего муската и легкого молодого вина, привезенного Борькой из Крыма?

–

Почему не купаешься? – раздался сзади приглушенный басок. Женя вздрогнула и оглянулась. Задумавшись, она не заметила, как сзади подошел Вася. Весь кругленький, румяный и улыбочивый Вася в синих трусах и с махровым полотенцем на шее.

–

А Борька, что – пароход с рассвета ждет?

Вслед за Васей она взглянула на пирс. Борис спиной к ним сидел на кнехте, уперев руки в колени и пялился вдаль. Женя попыталась ответить, но какой-то посторонний комок мешал. Тогда она старательно откашлялась и чужим тусклым голосом сказала:

–

Вася, Сашка Вершинин утонул. Мы вызвали милицию.

–

Как то есть утонул? – опешил Вася. – Насмерть?

–

Насмерть. – Женя вздохнула и движением головы указала: – Он там, в воде, рядом с пирсом.

–

Ёооо... – протянул Вася и стал необыкновенно серьезным. Таким серьезным он на памяти Жени был только раз – на похоронах Кристины. – А почему не вытаскиваете?

–

Мы? – прикусила губу Женя. – Думаю, что мы просто боимся. А ещё, говорят, что до приезда милиции ничего нельзя трогать.

–

Да, – Вася поскреб в затылке и уселся рядом с Женей. Беспольное полотенце соскользнуло с его шеи и упало на гальку. – Знаешь, мне совсем не хочется на него смотреть. Какого черта он полез пьяный купаться?

Женя в ответ только пожала плечами. В глазах вдруг начали копиться слезы, норовя скатиться вниз. И одновременно ей стало стыдно. Стыдно оттого, что эти слезы были не по умершему нелепой смертью Сашке, а по своему несостоявшемуся долгожданному безмятежному отдыху. Неужели она настолько черствая эгоистка?

Она подняла Васино полотенце и вытерла глаза.

По ступеням к ним спускалось несколько человек. Двое в милицейской форме и трое в штатском. Борис вскочил и отчего-то заметался по пирсу, взмахивая руками. Вася, расценив его жесты как призывные, нехотя встал и поплелся к нему. Жене совершенно не хотелось наблюдать, как будут доставать из воды Сашкино тело, побрела к дому. Её никто не остановил.

Завтракали они черт знает как. Кто-то приходил радостный и немедленно сникал, услышав страшную новость, кто-то успел заметить на пирсе людей в форме и влетал в столовую с вопросом «Что там такое на берегу творится, кто скажет?». Ольга втащила за руку бледную Ингу и чуть не силой заставила её съесть тарелку овсянки. Девочка глотала кашу молча, только уголки губ кривились. Митя, не поднимая глаз, ковырял яйцо всмятку и, в конце концов, раздавил его, на тарелку потек ярко-оранжевый желток, и Женя поймала себя на неуместной сейчас мысли, что это красиво – оранжевое на белом.

Сама она есть не могла, но смиренно сидела за столом, уложив ладони на колени. Она просто не знала, что делать, идти в свою комнату – не хотелось, разговаривать с кем-то – тоже. В углу, сдвинув стулья, тихо шушукались Алина и Дина. Надежда пила третью чашку кофе, крошила печенье и иногда отпускала ехидные реплики в адрес Никиты, который безмятежно шелестел утренней газетой. У Гоблина нервная система всегда была железной.

Никто из столовой не выходил, все входили и оставались. Ждали. Только Инга, наотрез отказавшаяся от омлета, быстренько исчезла. Пошла читать? Или через занавеску наблюдать, как укладывают на носилки лежащий на берегу тяжелый пластиковый мешок?

Ольга, выглядевшая бодрей всех, почти веселая, жевала ломтик бекона. Она всегда обожала есть мясо и даже обычное сало без хлеба. И теперь потихоньку придвинула к себе тарелку с нежными бело-розовыми ломтиками и отводила душу. Женя с некоторым облегчением сделала вывод, что она тут отнюдь не самая бесчувственная.

В очередной раз появилась горничная в строгом платье и крахмальном переднике, заменила два кофейника, собрала отодвинутые чашки, опустевшие сливочники и удалилась. По побелевшим крыльям длинного некрасивого носа было заметно, что и она чувствовала себя не в своей тарелке. Или это всеобщая атмосфера так влияла? Почти никто ни с кем уже не разговаривал, все темы словно исчезли, осталась одна, но сколько можно говорить об этом? Да и было во всем происходящем в столовой что-то, что категорически не нравилось Жене. Она бы и сама не могла сказать, что именно, поэтому оставалось принять все как есть. Да и что нормального могло быть в ситуации, когда одного из них, вчера ночью вместе со всеми веселившегося и дурачившегося, увозят в застегнутом на молнию черном мешке? Она поймала на себе внимательный Митин взгляд и непроизвольно дернула плечом.

—

Не хочешь выйти на воздух? – почти одними губами спросил он. – Ты такая бледная...

Закончить он не успел – дверь в столовую распахнулась.

Вошедших было не так много, как почему-то ожидала Женя. Только Борька, Вася, бледная кожа которого за час пребывания на утреннем солнце успела слегка покраснеть, и высокий мужчина – блондин с темными глазами, облаченный в бежевый легкий костюм. Глаза – вот, что первое выделялось в его внешности. Большие, оливково-черные, опущенные длинными темными ресницами, прямыми и какими-то трогательными. Ну, и все остальное соответство-

вало – к глазам прилагался волевой подбородок, крепкая шея и широкие плечи. Женя скорее почувствовала, чем заметила, как напряглась в охотничьей стойке Надька, и авансом посочувствовала черноглазому красавчику. Да и Ольга перестала жевать и блеснула глазами, поспешно хватая салфетку.

–

Ребята, – хрипло начал Борис, – в общем, такое дело... – тут голос у него сел, и он замолчал.

–

Извините, Борис Михайлович, лучше мне, – легонько сдвинул его куда-то назад блондин. – Произошло преступление или нелепый несчастный случай.

–

Сашка не утонул, – горестно вздохнул Вася и плюхнулся на ближайший стул. Незнакомец строго взглянул на него и продолжил:

–

Во избежание домыслов сразу скажу, что на голове жертвы имеется рубленая рана. Пока неизвестно, она ли явилась причиной смерти, или раненый, получив травму в воде, не смог выбраться на берег и захлебнулся. Но в любом случае придется проводить расследование. И было бы хорошо, если бы каждый из вас подробно рассказал мне о вечере накануне гибели Вершинина.

Услышанное потрясло не только Женю. Все сидели, словно пришибленные, не решаясь что-то сказать. Она видела, как сжал кулаки Митя, а потом, спохватившись, убрал их со стола. Как прикусила губу Алина, с тревогой глядя на мужа. Ольга схватилась за щеки точно таким же жестом, как разбуженный рано утром Борис. И только Гоблин, старательно сложив газету и поправив очки на несуразном носу, вежливо спросил:

–

Извините, а вы, собственно, кто?

–

Следователь областной прокуратуры советник юстиции третьего ранга Караваев, – слегка смутившись, представился блондин. – Игорь Иванович. Лучше – Игорь Иванович.

–

Советник третьего ранга? – переспросила Ольга. – А по званию вы кто? А то как-то неудобно обращаться – советник. Как в «Снежной королеве»...

–

Ну, если хотите, считайте меня майором. Это примерно соответствует, – предложил Караваев. – Думаю, что в доме найдется отдельная комната, где бы я мог поговорить с каждым свидетелем. – Он вопросительно уставился на Бориса.

–

Да, конечно, спохватился тот. Гостиная, библиотека...

–

Библиотека подойдет. И ещё. Мои сотрудники поищут в доме и в саду и соберут подходящие предметы. После экспертизы вам вернут.

–

Это обыск? – подскочила Алина.

–

Нет, что вы, – вежливо заверил её майор-советник. – Но мы тщательно осмотрели пирс и дно, благо море сегодня позволяет это сделать, и не нашли, обо что человек мог удариться головой, чтобы получить такую рану. Значит, должен быть предмет – стальная полоса, тупой топор с широким лезвием, кочерга или что-то подобное...

–

В гостиной у камина есть кочерга, – выдохнула Дина.

–

Там вообще много всякого железа, в гостиной. – В голосе Бориса была отчаянная усталость. – Берите все, что считаете нужным.

–

Хорошо, – согласился Караваев. – Хочу вас ещё предупредить, что я дал указания никого за территорию дачи не выпускать. И пока не осмотрят весь участок, просьба всем оставаться в доме. Потом можете передвигаться где угодно, заниматься своими делами, но не выходить за ворота. Надеюсь, это ненадолго, и особых неудобств вам не причинит.

От жесткой равномерности слов, которые одно за другим падали в солнечную тишину нарядной комнаты, всем стало ещё больше не по себе. Наверняка каждый проклинал в душе тот час, когда он решил принять приглашение Бориса. Но ещё большее сожаление вызывало то, что это приглашение принял и Сашка Вершинин, что он прикатил вчера на здоровенном вороном джипе, пил, дурачился, хамил в своей обычной вкрадчивой манере, а потом непонятно как отдал богу душу. И теперь им долго будет не до веселья.

В раскрытое окно донесся хохот чайки, ветер раздул батистовые шторы, и показалось, что именно с этого момента все изменилось. Хотя, скорее всего, это было не так. Только начало меняться.

ГЛАВА 3

–

Вам удобно будет в этом кресле? – галантно поинтересовался у Жени майор Караваев Игорь Иванович. – Или лучше сесть к столу?

–

Мне все равно.

Ей действительно было все равно – кресло, стол – какая, в сущности, разница? Время близилось к вечеру, и ожидание стало почти невыносимым. Ей казалось, что майор пригласит её одной из первых, ведь это именно она нашла Сашку. Но вышло иначе – вначале вызвали Васю, потом Алину. Потом Караваев куда-то быстро ушел из библиотеки, а они продолжали слоняться через холл из столовой в гостиную, пока почти все не осели в полумраке у холодного, пахнувшего отсыревшей копотью камина. Изредка переговаривались, пытались вспомнить, кто последним видел Сашку, но все путались во времени – кто ночью смотрит на часы? Вот и получалась ерунда. Почти все видели Сашку на пирсе или где-то рядом, а потный и красный от переживаний Вася, вывалившись из библиотеки и выпив полкувшина апельсинового сока, сообщил, что, похоже, орудием убийства был меч. Да, тот самый меч, который вчера висел справа от камина. Сейчас на стене красовался только одинокий арбалет, не годившийся на роль рубящего оружия. А вчера вечером там были ещё две шпаги, катана и пара мечей – один здоровенный, двуручный, а второй одноручный, довольно короткий. Конечно, все это были современные изделия, купленные Борисом исключительно для оформления интерьера. Но... Это было настоящее оружие, не имитация для ролевых игр, а довольно дорогие игрушки для богатых мальчиков и экстравагантных взрослых дядь. Все это сейчас увезли. Но все помнили, что кто-то вчера снимал со стены именно короткий меч. Хотя какой он короткий, около метра длиной. Кто снимал? Гоблин признался, что он. Но потом он его где-то оставил. Воткнул в вазон с цветами на террасе? Возможно, он не помнит. Может, и кто-то другой воткнул оружие в вазон. Борис и Митя категорически отрицали контакт с тяжелой железякой. Так что следующим меченосцем выступил как раз Вася.

Зачем Вася потащился с мечом вниз по лестницам, а потом на пирс, он и сам не мог объяснить. Был пьян, хотелось романтики. Романтику испортил Сашка, которому Васькино фехтование у него перед носом активно не понравилось, и он разоружил агрессора. Васька

отправился искать более доброжелательного общения, а Сашка с мечом остался один на пирсе. Что было дальше, не знал никто. Или кто-то не признавался, что знает?..

Потом Караваев вернулся и пригласил по очереди Бориса, Дину и Никиту. Митя с тревогой поглядывал на Женю, она сидела почти не шевелясь, и глаза были странно сухими и неподвижными. Неужели, она так сильно переживает смерть Сашки? Она почти не участвовала в общих разговорах, только если к ней обращались напрямую, отвечала, но как-то вяло и отрешенно. И на Палия совсем не смотрела. Ни разу.

Наконец, позвали и её. Женя встала, и как-то сразу подобралась и сосредоточилась. Да что с ней, черт возьми?!

—

Евгения Аркадьевна, расскажите подробно, обо всем, что происходило вчера. Ну, и сегодня утром – тоже, – попросил майор.

—

Вчера я приехала, – она заговорила почему-то громко, смутилась и замолчала. Потом продолжила тише: – На вокзале меня встречал водитель, Паша. Привез меня сюда, было около четырех часов дня. Одновременно со мной приехала Надежда Кузьменко, на другой машине. Наверное, она прилетела самолетом, и её встретили в аэропорту.

Караваев кивнул. Он уже слышал от Бориса про порядок приезда гостей. Это не имело большого значения, но настраивало рассказчиков на точность.

—

Когда мы все зашли в дом: Борис, Надежда и я, встретили Дину Марцевич и Ольгу Гилберт, они шли на пляж. Осмотрели первый этаж, и я пошла вверх – хотелось поскорей переодеться и смыть с себя дорожную пыль. Там была Инга, дочь Ольги, она показала, где моя комната.

Ольга слушала сама себя и поражалась, что умеет говорить таким плоским протокольным языком. Впрочем, каким ещё можно разговаривать с майором милиции? Или не милиции и не майором? Какой-то там советник прокуратуры, кажется, так. Не рассказывать же ему про свои чувства, эмоции, воспоминания. Все это шелуха, никому не нужная шелуха...

—

Потом я спустилась вниз и встретила Митю... Дмитрия Александровича Палия. Он сказал, что только что приехал своим ходом, на машине.

—

Стоп. Можно вопрос, Евгения Аркадьевна? Почему вы упомянули отчество Палия? И только его.

—

Отчества других я просто не знаю или не помню. А Митя... Его отец, Александр Викторович был довольно известным художником и преподавал у нас живопись, так что вспомнилось сразу, – растерялась Женя, сама не понимая, для чего она зацепилась за Митькино отчество.

—

Понятно. Продолжайте, пожалуйста.

—

На пляже мы пробыли больше часа. Чуть позже туда пришли Палий и Пинчук. А потом Алина Ротман и Никита Дунаев, Алина привезла Гоблина из города на своей машине.

—

Гоблина?

—

Извините, Игорь Иванович, это прозвище Никиты ещё с тех пор... В общем, он всегда был Гоблином, – принялась непонятно почему оправдываться Женя.

Каравасев усмехнулся. Действительно, Дунаев был на редкость неуклюж и некрасив, даже неприятен внешне. Но умен, этого не скроешь. Гоблин... Беседа с этим Гоблином заставила майора задуматься. Тот говорил так же кратко, как Шереметева, но обдумывал каждое слово, прежде, чем произнести. Почему? Почему он заявлял, что после эпизода с мечом, который он где-то бросил или воткнул в вазон, он почти ничего не помнит? Да и другие его почти не видели. Спал где-то? Если так, то где? И когда потом вернулся в свою спальню, ведь утверждает, что едва не проспал завтрак и чуть ли не последним узнал о смерти Вершинина?

А Женя уже рассказывала, как они, переодевшись и почистив перышки, собрались к ужину в столовой. Все, кроме Вершинина. И больше разговаривали, чем ели, хотя кормили вкусно, и вина лились рекой, а водка, «смирноффская», запотевшая на холоде, почему-то особым успехом не пользовалась. И за окнами потихоньку тускло небо, потому что солнце уходило за горы позади дома, начинали петь цикады, и совсем близко проплывала парусная яхта, расцвеченная огоньками.

Точнее, Женя просто сказала:

—

Потом мы собрались на ужин. И уже к его концу появился Вершинин.

Женя удивилась, что Сашка почти не изменился: не потолстел, как Борис, не полысел, как Вася, не поседел, как Митя. Он просто стал чуть старше и жестче взглядом. Жестче и внимательней. Он ввалился с радостным воплем, потрясая над головой сжатыми в замок кулаками, ему ответили криками, взмахами рук и улыбками. И он сразу окинул взглядом всех, потом слегка разочарованно оглядел ещё раз. Ей почему-то стало неприятно, что заметив её, Сашка как-то двусмысленно улыбнулся и кивнул. Он редко кому просто так улыбался. И те странные слова на террасе...

—

Каждый рассказывал о себе, чем занимается, как живет. А Саш... Александр только отшучивался. Говорил, что работает в разведке.

Ну, вообще-то, особо к нему с расспросами никто и не лез. Не любил Сашка, когда его жизнью интересовались. Всегда не любил. Он сразу выпил водки, поморщился и принялся есть всё подряд – мясо, тонкие ломтики копченой сёмги, белый соленый сыр с зеленью. Он просто поглощал эту зелень, хватая пышные веточки из всех салатниц и засовывая их себе в рот целиком. И был при этом похож на козла... Женю передернуло.

Майор внимательно смотрел на неё, понимая, что те короткие фразы, которые она проносит, на самом деле в её памяти выглядят совсем по-другому. Там звучит смех, чьи-то выкрики и хохот, там запахи вечернего парка и терпкость молодого сухого вина, льющегося из оплетенных лозой бутылок в стаканы из толстого стекла. И танцующий с Диной Митя. И Ольга, кружащаяся в объятиях Васи, удивительно ловкодвигающегося для своей комплекции. И Борька, довольно поглядывающий на веселящихся однокурсников и одновременно дающий указания горничным подавать десерт. Да, у Ротманов две горничных работают или три? Женя не помнила. Отметила только, что не слишком молодые и привлекательные – чувствовалось умение Алины ограждать Борьку от лишних соблазнов.

—

Потом устроили танцы в холле. Вышли все, кроме Вершинина и Дунаева. Никита не любит и не умеет танцевать, все время наступает другим на ноги.

—

Они оставались вдвоем?

—

Да, вдвоем, но туда все время кто-то заходил – выпить воды или вина, поболтать – в холле играла слишком громкая музыка, и друг друга было почти не слышно.

—

И вы заходили?

—

Конечно, — удивилась Женя, — раза два или три. Искала сигареты, потом разговаривала с Диной. Потом Алина захотела показать мне какие-то фигурки из мейсенского фарфора, очень красивые. И ещё раз — захотелось пить. Значит, четыре раза.

—

И все это время Вершинин разговаривал с Дунаевым?

—

Я вообще не заметила, чтобы они общались. Просто сидели в одном помещении. Гоблин смотрел в окно, пил, грустный был. А Сашка — как всегда. По нему не поймешь, что у него в голове.

—

А вы не заметили, может быть, они все-таки разговаривали, когда никого не было?

Тут Жене пришло в голову, что майор неспроста так дотошно расспрашивает, что делали Сашка и Гоблин в столовой. Неужели, он подозревает, что Никита?.. Но при чем тут столовая, если всё случилось на берегу?

—

Нет, — сухо ответила она. — Я ничего не заметила, они держались друг от друга на расстоянии. А музыка даже там была слышна, так что для того, чтобы нормально слышать друг друга, нужно было или находиться рядом, или орать во весь голос.

На самом деле, зайдя в первый раз, она заметила, что Гоблин отошел от Сашки, с аппетитом уплетающего кусок холодной свинины. И на лице Гоблина было какое-то странное выражение — смесь отвращения и любопытства. Она запомнила это, потому что Никита редко позволял своей физиономии демонстрировать другим его чувства. Просто однажды одел и всегда носил маску безразличия и спокойствия. Но кто знает, что там творилось у него внутри?

—

Потом Борис позвал нас в гостиную, где уже разожгли камин. Глупость, конечно, разводить огонь в такой теплый вечер, но ему хотелось показать собственную аристократичность.

—

Вершинин тоже перешел в гостиную?

—

Да, он, кажется, последние два танца все-таки с кем-то танцевал. С Ольгой и Алиной? Вроде, да. Потом прошел в гостиную и сел в углу. Борис распахнул бар, предложил нам не стесняться — ликеры, бренди, коньяки. Вино тоже там было — на столиках у кресел. Никита тоже вошел и сразу стал рассматривать оружие на стенах. Потом снял меч.

—

Зачем? Почему именно меч, а не шпагу?

—

Не знаю, но, по-моему, шпаги до него кто-то уже снял. А потом их повесили обратно на место, а Никита с мечом так полвечера и протаскался. Похоже, он ему просто пришелся по душе. — Жене все больше не нравился этот разговор, и майор почувствовал это.

—

Вы долго сидели в гостиной? — спросил он, наливая в стакан минеральную воду и жестом предлагая Жене её выпить. Она отрицательно покачала головой. Пить ей не хотелось. Странно, но с того момента, как она увидела в воде то самое, сине-голубое, парящее, ей не хотелось ни пить, ни есть. Ей вообще ничего не хотелось.

—

Сидели там примерно полчаса или час, потом все потихоньку начали разбредаться – на террасу, на балкон, в парк. Разбились на пары или тройки, и расползлись по дому и участку. Как-то постепенно и незаметно. Одни уходили, другие приходили.

Вечер, спустившийся на море бархатным пологом, настоящий южный вечер с россыпью крупных звезд, совсем не располагал к сидению у огня. Хотелось просто блуждать в темноте и нюхать тропические цветы, слушать плеск моря и треск цикад. Матовые фонари терялись среди зелени, освещая лишь небольшие пятячки, аллеи тонули в темноте, и Жене через пять минут прогулки с Диной, странно молчаливой и задумчивой, надоело спотыкаться на высоких каблуках. Они решили подняться к себе, чтобы сменить экипировку.

Пока Женя переодевалась в брюки, блузку и босоножки на плоской подошве, Дина куда-то исчезла из своей комнаты. Женя ещё раз постучала в её дверь с изображением наивной голубой незабудки и решила поискать подругу внизу. Но проходя мимо приоткрытой балконной двери, услышала голоса. Динкин и Митин. Она остановилась только на секунду, прислушалась и стала спускаться по лестнице. Кажется, именно в этот момент внизу появился небывало веселый Гоблин с дурацким мечом на плече. Он нетвердой походкой пересек холл, вышел на террасу и исчез в темноте. Да, все так и было. В одной руке Никита сжимал рукоять меча, а в другой – горлышко пузатой бутылки.

На террасе сидели Вася, Надежда и Борис. Борька играл на гитаре и дурным голосом тянул: «Не жалею, не зову, не плачу...». Но не успела Женя дойти до поворота аллеи, как сзади грянули хором любимое студенческое: «А ты не бей, не бей, не бей кота по пузу!» и ей захотелось вернуться. Но не успела – из кустов навстречу ей выломился Сашка.

Вершинин был пьян, но не сильно. Можно даже сказать, что он был трезвее остальных. Но Жене не хотелось оставаться с ним наедине. Не то, чтобы она боялась, не позволил бы себе Сашка никаких выкрутасов, в этом она была уверена. Просто общение с ним испортило бы её радостное состояние. Всё ещё радостное.

–

Выпить хочешь? – мирно спросил он у неё, и в темноте что-то тускло блеснуло и булькнуло. «Да что они, все с бутылками носятся?» – почти весело подумала Женя.

–

Не хочу, – в тон ему ответила она.

–

Аааа... ну, тогда я дальше пойду, искать желающих. А поговорим мы завтра, – неожиданно добавил он.

–

О чем? – спросила она, потому что он явно ждал этого вопроса.

–

Обо всем, Женечка. И о Марики, в частности, – нехорошо засмеялся Вершинин в ответ и так же исчез из виду, как и появился – с хрустом попер через кусты.

Женя осталась на дорожке одна. Да, что-то все складывалось не так. Вернуться? Она повздыхала, топчась на месте, поправила сползшую с плеча бретельку и упрямо пошла вперед, наступая на осыпающиеся лепестки магнолий и пытаясь считать проносящихся в темноте светлячков. Пахло прелой листвой и почему-то бензином. Наверное, неподалеку был гараж, и там этот бензин кто-то разлил. Или просто запах был настолько чужероден, что чувствовался даже в мизерных концентрациях.

–

Вначале я гуляла с Диной Марцевич, потом одна. Переоделась и, спускаясь по лестнице, увидела внизу в холле Гоблина с мечом. Потом встретила Вершинина в аллее, ведущей вправо от дома, но он быстро ушел.

Господи, как все это безжизненно звучит. Как будто она берет живой цветок и сушит его раскаленным утюгом. Получается нечто серое и плоское, как упаковочный картон.

Аллея неожиданно закончилась, вернее, уперлась в забор и повернула направо. Женя помнила, что в той стороне должны были располагаться двор, гаражи и ещё какие-то строения. Туда ей идти не хотелось. В свете звезд она высмотрела в сплошной массе зелени узкую тропку, ведущую налево и вниз – к морю. И свернула на неё.

Прохладные листья приятно касались кожи, и Женя старалась не думать, какие мелкие и перепуганные хитиновые зверушки могут сидеть на них. Отчего-то совсем не было комаров. Или у моря их не бывает? К своему стыду, она не помнила.

Голоса она услышала сразу. Резко остановилась, едва не выскочив на освещенное луной пространство. Осторожно выглянула из кустов, но вначале ничего не рассмотрела. Потом только поняла, что кто-то сидит в шезлонгах на пирсе и разобрать, кто это, отсюда невозможно. Но голоса она узнала. Алина и Сашка. И когда Сашка успел забраться на пирс?

–

Скотина! – голос Алины звучал приглушенно, очевидна она знала, как хорошо тут, над морем, слышно разговаривающих. – И всегда был скотиной!

–

Ну да, ну да, а ты всегда была невинной девочкой, и только злой и гадкий я портил тебе жизнь, – насмешливо произнес Сашка. Потом, подумав, грязно выругался. Звякнуло стекло. – Пасешь своего боровка, на его денежки цацки покупаешь, а он, наивный, о твоих похождениях ни сном, ни духом... Шлюха!

Женя резко повернула назад. Подслушивать – гадко... И зачем она пошла сюда? Но и эти хороши – нашли место для выяснения отношений! За спиной простучали каблуки. Наверняка, это Алина убежала с пирса. А Сашка? Да ну их...

Женя почувствовала себя одинокой и никому не нужной. Что-то больно ударило её по коленке. Скамейка. Она опустилась на деревянные планки и только потом спохватилась, что не проверила, нет ли на них каких-нибудь жучков или червячков. Нужно было рукой стряхнуть. Ну и черт с ним! Все, кто не скрылся, я не виноват! А штаны, если что – мне стирать.

–

Потом я сидела на скамейке.

–

Видели кого-то в это время?

–

Нет, – честно покачала головой Женя. Она ведь действительно никого не видела. А голоса... Зачем майору знать, что Сашка говорил Алине гадости на пирсе? Все равно Алина ушла, а Сашка остался.

Она просидела на скамейке недолго. Надоело. Глупо было обижаться на кого-то, когда там, где сверкали через стволы кипарисов и магнолий огни дома, веселились друзья. Друзья, с которыми прожила вместе пять лучших лет, с которыми делилась бутербродами, пивом и тайнами. Которые могут оборжать, утешить и понять. Пять лет воспоминаний – это слишком много, чтобы терять время, прячась от них и занимаясь самоедством...

–

Когда я вернулась к даче, встретила Надежду Кузьменко и Василия Пинчука, они прохаживались по террасе. Борис все ещё играл на гитаре, возле него сидел Гоблин, мечта у него уже не было. Ещё там была Дина и Ольга, но они разговаривали, сидя на самой дальней скамье. Я немного поболтала с ними, недолго, около десяти минут.

–

Сколько было времени?

–

Думаю, что около часа ночи. Но не уверена, может быть, и меньше. Потом Дина сказала, что очень хочет спать. А Ольга пошла прогуляться. Я поднялась на второй этаж и вышла на балкон. Там я сидела долго. Слышала, что в свою комнату вернулась Надежда. Потом опять ушла.

—

Откуда вы узнали, что это была Кузьменко?

—

Она... пела. Вернее напевала. Уж её-то пение я сразу узнаю.

—

Аааа... А что она пела?

—

«Белый шиповник» из «Юноны и Авось». Фальшивила в припеве. — Женя вздохнула.

Когда они на первом курсе впервые ездили на этюды за город — с палатками и сидением у костра до рассвета, Марк пел именно эту песенку. И именно тогда она и решила, что любит его. Мягкие вьющиеся волосы, прямой, чуть с горбинкой нос, ослепительная улыбка — настоящий прекрасный принц. Аристократ. Он носил светлые джинсы и просторные джемпера, курил хорошие сигареты и не выносил растворимый кофе. И пахло от него так по-мужски — табаком и лосьоном для бритья. Маленькая девочка из провинции выбрала его. Но вот почему прекрасный принц выбрал маленькую девочку из провинции? Дина, к примеру, была куда эффектней, а Ольга умнее и талантливей. И Кристина... впрочем, Кристинка смотрела только на Борьку Ротмана. Женя тоже вначале смотрела на Борьку с интересом, ещё бы — красавец, усатый брюнет а-ля Михаил Боярский. Носил черные велюровые «стэтсоны» и длинные волосы, пока на военной кафедре не устроили ему взбучку. Но даже с короткими волосами Ротман был импозантен и величественен.

Женя поймала себя на том, что устала в окно и совершенно забыла о присутствии майора Караваева. Пришлось смущаться и извиняться.

—

В общем, это всё, что было со мной ночью.

—

Вас видел кто-то на балконе?

—

Нет. И я почти не глядела вниз, просто сидела и смотрела на звезды и море. Потом пошла спать.

Она заставила себя решить, что все не так уж плохо в этой жизни. И не стоит думать, что хуже, чем есть на самом деле. Просто начинается новый этап. Именно с этого момента и начинается — с сонного посвиста птицы среди ветвей, с изредка падающих звезд и дыхания почти невидимого в темноте моря. Завтра она проснется другой, и не будет уже ни на кого надеяться в этом мире. Разве что на Сеньку. А всё остальное придет, никуда не денется. Тут Женя поняла, что нужно идти и уносить с собой это понимание и решение. И она ушла к себе и легла спать. Сразу, словно в омут. Всё-таки много она выпила вина...

—

А утром я встала рано, около шести часов, и сразу пошла к морю. Поплавала и выбралась на пирс, вон тот, левый, и с него заметила что-то в воде. Это был Вершинин. Я разбудила Бориса и вернулась с ним на берег. Дальше вы знаете. — Женя перевела дыхание и неуверенно посмотрела на майора, ожидая его следующего вопроса.

И он его задал. Но вначале развернул перед ней сложенный вчетверо лист бумаги. Обычной бумаги для принтера формата А4. Женя ошарашенно прочитала первые строчки, написанные знакомым почерком с наклоном влево, а Караваев тихо спросил:

—

Вам знаком этот документ, Евгения Аркадьевна?

ГЛАВА 4

Её не было слишком долго. Или это ему только казалось. Палий вдруг ощутил зверский голод и жалобно спросил у Алины, могут ли ему дать какой-нибудь еды или допустят, чтобы он умер от истощения. Алина скомкала в руках старый счет на электроэнергию, который читала последние полчаса, не понимая ни единого слова, улыбнулась механической улыбкой, спохватилась и потащила его в столовую, а потом на кухню – в царство булькающих кастрюлек и развешенных сковородок. Там Алина распорядилась накрывать на стол и кормить всех ужином. Ведь так почти никто и не обедал. А вечер уже наступал, и сумерки тронули безоблачное небо.

Что он ел, Палий совершенно не запомнил, но наверняка ел, потому что исчезло чувство голода и навалилась усталость. Он усмехнулся. Ведет себя, словно старичок – ощущает. А надо бы не ощущать, а думать.

Самое время.

Вчера он долго искал Женю. Нет, вначале произошел тот разговор с Диной, неприятный, нехороший разговор. Начали с ничего, а залезли в такие дебри... Он никогда не любил, чтобы кто-то лез в его личную жизнь. Но Дина никак не хотела этого понимать. А он не хотел ничего объяснять. Он – закрытая территория, и всё!

Тогда она отходила в сторону, говорила о неважном, вкрадчиво и осторожно приближаясь к запретной зоне, и он снова взрывался. Он понимал, что это Лена попросила поговорить с ним, выяснить, что произошло тогда, три года назад. Наивная. Она считала, что можно что-то вернуть, что он снова захочет того ощущения постоянной усталости и ненадежности существования, что жить под угрозой катастрофы ему нравится. Но он всего лишь нормальный, обычный, вполне заурядный мужик, и когда стало невыносимо, он предпочел позорно сбежать. Утаскивал, словно на пожаре, все самое ценное, да и то, что не было ценным, тоже утаскивал. Утащил Машку, Ребекку с панически прижатыми ушами, альбом с фотографиями, стопку книг, потрепанных ещё с институтских времен и компьютер... Может, Лена не желает простить ему компьютер? Так он готов вернуть его, или купить ей новый, самый лучший, даже два. Хотя зачем ей два?

Он нормальный, всё понимающий мужик, он и Динку понимал, она обещала Лене поговорить с ним, она и говорила. И не её вина в том, что он полный псих, и слушать о том, что могло бы быть, выше его сил. Он и ночами теперь все ещё часто встает и шлепает в пижаме из комнаты в комнату, как безумный пингвин. И на цыпочках крадется к Машкиной кровати, стоит над ней, умилительно наблюдая, как она сопит с закрытыми глазами. Машка так похожа на него, такие же волосы, брови, смешные круглые ушки. И спит так же – засунув правую руку под подушку и дрыгая ногой, когда что-то ей снится. Он столько усилий приложил, чтобы она видела хорошие сны. Он так боялся, что волна накроет её в переходном возрасте, что будет все поздно изменить... И он успел утащить её за год до этого. Так что Машкин переходной возраст слился с его отшельничеством. И они оба сумели выкарабкаться.

Вчера он решился и сказал Дине неприятные, резкие слова, она вскочила и убежала. А он пошел искать её, чтобы извиниться. Но на самом деле он высматривал Женю, ему казалось, что обязательно нужно поговорить с ней, о чем-то совершенно неважном и бесполезном, и тогда ему станет легче. Но Женю он так и не нашел – пока плутал в зарослях, она приходила и снова ушла. Тогда он решил, что не судьба.

А после наступило утро.

Палий вышел в холл и закурил. Ему нравилось курить трубку из вишневого корня, сидеть, укутав колени пледом, щелкать клавиатурой ноутбука, изредка брать в руки теплую и гладкую, похожую на ручного зверька, трубку и смаковать вкусный неторопливый дым. Тогда у него всё получалось, и не было ему равных. Но сейчас не до трубки, так что обойдемся сигаретами.

Черт побери, когда же отпустят Женьку?! Уже смеркается, а она все ещё торчит в библиотеке. А его ещё и не вызывали, наверное, в полночь призовут к ответу. И что он расскажет? Кто поверит, что он почти до рассвета бродил, проклиная все на свет и пиная подворачивающиеся под ноги корни и камни, сидел на какой-то горке с нелепой скульптуркой бесенка, кусающего ломоть арбуза. Потом понял, что это не арбуз, а месяц, и удивился. И пошел блуждать дальше, обрывая на ходу листья, злясь на самого себя и пытаясь отшвырнуть эту злость подальше, но она все время возвращалась бумерангом, и, в конце концов, ему стало смешно, и он пообещал себе завтра объясниться с Диной и попросить у неё пощады.

Но утром стало не до этого.

Каким-то образом он забрел в угол холла и остановился перед большим зеркалом в стильной раме. Высокий, ладно сложенный мужчина в легких летних брюках и свободной трикотажной рубашке. На ногах мокасины, в глазах линзы на пять диоптрий, на висках седина. Хотя волосы были его всегдашней гордостью, густые и темные. Он и стригся всегда у одного мастера – лысого Геннадия, умевшего придать его непослушной шевелюре некую строгость и, одновременно, шик. Но виски действительно поседели, он даже знал, когда именно.

Тьфу! Ну не идиот ли? Стоит самоуверенным болваном, покачиваясь с носков на пятки, и любит себя в зеркале, словно Нарцисс! О причёске и седине размышляет. Палий осторожно оглянулся. Слава богу, никто не заметил, а то непременно высказались бы. Такие друзья, разрази их гром!

Он потушил сигарету в какой-то хромированной плевательнице и принялся бродить вдоль дверей в гостиную и библиотеку. Туда-сюда, туда-сюда. Прошел Борис, глянул озадаченно, но ничего не сказал, только включил лампы под потолком. И, словно только этого она и дожидалась, вышла Женья. Палий сразу понял – что-то случилось. Что-то, что перевернуло её жизнь. Ужасное и непоправимое. Потому что лицо её стало другим, и плечи, и руки. Ему стало страшно за неё.

Его искали и звали, потому что наступала его очередь, но ему было плевать, он не мог сейчас оставить её с таким лицом, плечами и руками, и он тащил упирающуюся Женю куда-то в заросли гортензии, и не давал ей вернуться в дом и забиться в свою комнату, отгороженную от всего мира желтым одуванчиком. Он буквально швырнул её на жалобно вздрогнувшую скамейку и скомандовал:

—

Говори!

Женья озабоченно почесала нечаянно ушибленный им бок. Вернее, не бок, но это неважно, и пожалала плечами:

—

Я узнала много нового. Но пока мне сложно рассказать об этом даже тебе. Я должна привыкнуть.

И он бегал вокруг неё, картинно всплескивая руками, и втолковывал, что есть вещи, которыми обязательно нужно с кем-то делиться, как горстью конфет «морские камушки», как апельсином, как... А она внимательно следила за траекторией его передвижений и послушно кивала головой. Поэтому он сел рядом с ней, и им показалось, что хлипкая скамья сейчас переломится пополам, окончательно погребая их под своими обломками, а потом набежит пенная вода и смывает все это безобразие. Но скамья выдержала, он перестал орать (он, оказывается, орал!) и они принялись молчать. В этом молчании было спасение.

Как ни странно, первой заговорила Женья. Вернее, она сначала засмеялась, и Палий испугался, что у неё начнется истерика. Но ей было не до истерик, она уже прошла эту фазу. Не могла она сейчас позволить себе быть слабой, хотя очень хотелось.

—

Митька, – почти торжественно сказала она. – У меня была причина.

—

Причина чего? – удивился Палий.

—

Причина треснуть Сашку Вершинина мечом по башке. Вполне такая весомая причина.

—

У тебя? – тупо переспросил он и сам же возмутился: – С ума сошла! Какая у тебя могла быть причина?

—

Обычная, Митя. Деньги. Тридцать тысяч баксов. Или даже больше.

Он с изумлением посмотрел на неё. Почесал затылок. Потом хлопнул себя по лбу и вскричал:

—

Так ты – киллер! И Сашку тебе заказали! Ну, ты, мать, крута....

—

Не паясничай, пожалуйста, – невольно улыбнулась она, и боднула его головой в плечо. – Никогда от вас, баламутов, серьезности не дождешься!

—

Ну, тогда или рассказывай все внятно, или я буду развивать эту тему. Итак, ты из-за своей патологической рассеянности потеряла пистолет, и решила действовать подручными средствами. Взяла меч...

—

Нет, Митя. Мне Караваев расписку показал. Марк брал в долг у Сашки эти проклятые баксы. Год назад.

—

Что? – изумился Палий. – Марк у Сашки? А ты знала об этом?

—

Нет... – она посмотрела в небо, хотя оно её интересовало меньше всего. – Но я думаю, что этот майор мне все равно не верит. Я бы на его месте тоже не поверила. Там в расписке было условие...

—

Ну-ка, быстро говори, что там такое ужасное было.

—

Да в общем, нормальное условие. То есть, если Марк через год не отдаст Сашке долг с процентами, то наша квартира становится его собственностью.

Палий задумался. Что-то в этом всем было не так, неправильно и странно. Не мог Марик Шереметев так поступить с Женькой! Они всегда были как одно целое, как попугаи-неразлучники, как две половинки матрешки. Правда, он давно их не видел...

—

Стоп, подруга, не вздумай реветь. – Он в темноте чувствовал её дрожь и почему-то разозлился. – Что у вас с Марком произошло, что ему такая сумма понадобилась? И почему ты не знала об этом?

Первые появившиеся звезды кололи глаза, больно и сердито впивались в её зрачки. Смотреть на них не хотелось, но если опустить веки, то будет ещё хуже. Митя вцепился в неё клещами и вытаскивал слово за словом правду. Господи, как стыдно...

А он-то думал, что хуже, чем было у него, не бывает.

Бывает... Хотя и по-другому.

Лена, по крайней мере, не приучила его к мысли, что так и должно быть. А Марку удалось. Женья рассказывала и сама удивлялась. Оказывается, до сих пор она не пыталась посмотреть

на это со стороны, все время только изнутри, из себя. И выглядело это теперь немного по-другому. Да нет, очень сильно по-другому...

Город, куда они с Марком приехали по распределению (хотя какое это было распределение – слезы одни, кое-как выпускников тогда пристраивали) встретил их не очень приветливо. Обшарпанный проектный институт, тихо катящийся к финансовому краху, комната в общежитии, пустые прилавки магазинов. Но они были вдвоем, и вместе было не страшно. Сеньку пришлось пока оставить пожить у бабушки – в сотрясаемой пьянками и драками общаге маленькому ребенку было не место.

Они пахали, как проклятые, тянули проекты, подхватывали работу за увольнявшимися один за другим в поисках нормального заработка коллегами, стискивали зубы и ели макароны с сыром три раза в день. Нет, ещё гречневую кашу ели. Они остались чуть ли не одни в отделе, и даже директор поглядывал на них с изумлением. А потом предложил перейти в «кооператив». Институт утонул через полгода, расколовшись на дюжину «шарашек». Каждый выплывал, как мог. А потом они почувствовали, что тоже могут, и организовали свою проектную фирму. Поначалу их было пятеро. Марк стал директором.

Как получилось, что основную работу он потихоньку переложил на её плечи, Женья до сих пор понять не могла. «Посмотри, что там с договорами. Сбегай в налоговую инспекцию, там у них вопросы. Встреться с Самойловым, что-то у меня голова болит...» Он явно чувствовал себя не очень уверенно перед ворохом проблем, которые должен решать руководитель, вожак. А ей нравилось. Она разбиралась со счетами и отчетами, с заказчиками и экспертизой, у неё всё получалось. И в «конторе», как они шутливо называли свою фирму, уже привыкли к тому, что все вопросы решает она, Женья, Евгения Аркадьевна. А директор у них для представительства, для особо важных гостей и мероприятий. Марку нравилось быть таким небесным покровителем, появляющимся для того, чтобы казнить или миловать, одобряющим выполненные проекты или распекающим нерадивых.

Именно тогда они тогда купили квартиру. Долго жили в съемной хрущевке, копили деньги, договорившись, что нужно приобретать сразу хорошее жильё, а не абы какое. Квартира была отличная, в новом кирпичном доме, трехкомнатная, просторная и светлая. Женья летала, как на крыльях, покупая мебель и переклеивая обои. Дела шли в гору – заказов было много, в «конторе» уже работало почти двадцать человек, и две конторские комнатухи давно стали тесны. Нашли новое помещение, купили подержанную «шестерку» и два компьютера. Она, уложив Сеньку, сидела по ночам за учебниками, осваивая графические программы и «1С-бухгалтерию». Марку это было скучно. Хотя компьютерные стратегии и квесты ему нравились, и он тоже порой сидел по ночам. Утром Женья тащила сонного Арсения в школу, а Марк оставался сладко спать, ему было можно. А ей – договариваться с пожарным надзором, получать технические условия в «Водоканале», уламывать капризных дам из мэрии, чтобы подкинули сведения об очередном тендере. И рассчитывать зарплату, и сверять сроки...

Всё рухнуло в августе 98-го. Полгода продавали все, что могли – офисную мебель, машину, компьютеры, право аренды помещений. Но выжить не смогли. Фирмы не стало, и Марк мог на законных основаниях говорить, что он – безработный. Жене быть безработной было нельзя – Сенька рос, ему нужны были витамины и хорошее питание, одежда, книжки. Она бегала в поисках левых заказов и не гнушалась ни малейшей возможностью подработать, даже за рекламу бралась. Даже курсовые чертила. Такая работа была недостойна Марка, она это понимала. Марк – великий зодчий, а на себя она махнула рукой. Потом ей удалось устроиться на постоянную работу в фирму, занимавшуюся отделкой интерьеров. Менеджер-дизайнер – так хитро именовалась должность. Она подозревала, что вообще-то это – две должности, и работать должны двое, но на безрыбье...

Очнулась она только когда Сенька однажды спросил её:

—

Мама, а наш папа – инвалид?

–

Почему ты так решил? – опешила Женя.

–

Тогда почему он не работает? У Славки отец без ноги, и то в автосервисе нехилые бабки заколачивает.

–

Это что за жаргон?! – привычно одернула она сына, но задумалась.

Потом она нашла вакансию в проектной мастерской. Возглавлял мастерскую бывший директор их института. Он охотно взял бы их обоих, но Женя, помня, как мастерски муж переложил свои обязанности на её плечи в их собственной конторе, отказалась. Пусть Марк работает самостоятельно, он ведь талантливый и самолюбивый.

Ей пришлось довольно долго уговаривать Марка. Он так вошел в амплуа безработного и брошенного государством на произвол судьбы, что убедить его в том, что все опять налаживается, и найти работу – не проблема, удалось далеко не сразу. Вначале все было отлично – Марк взялся за работу с энтузиазмом, только о ней и говорил. Женя радовалась – с заработками Марка жить будет намного легче, можно даже запланировать поездку летом на юг, пригородные унылые лагеря Сеньке надоели до чертиков.

А потом Жене позвонил шеф Марка. Он долго извинялся и спрашивал, что случилось у них в семье, а Женя не понимала и все время переспрашивала. Потом поняла. Марк стал приходить на работу к обеду, или не выходить вовсе, срывать все сроки сдачи проектов, объясняя, что тяжело болеют жена и сын, и он ездит к ним в больницу с передачами и встречается с врачами. Женя не знала, что ответить. А если бы знала – все равно не смогла бы. В горле стоял жесткий комок, и проглотить его было невозможно. Она и с Марком не знала, как говорить. Но заставила себя. Марк объяснил ей, что не ему с его талантом сидеть за кульманом от звонка до звонка, что ему нужна свобода для творчества, что горбатится на то, чтобы она могла купить себе шубу, он не намерен.

–

Какую шубу? – только и смогла выдавить из себя Женя. Она пятый год ходила в вытертой дубленке, и даже не заикалась ни о какой шубе.

–

Такую! – гроыхнул дверью Марк и исчез.

Вернулся он через три дня, пахнувший странным кислым перегаром. Молча сел в кресло и уставился в окно дикими покрасневшими и опухшими глазами. Она испугалась. Пусть лучше живет свободно, чем так... Марк уволился, и все покатилось по-прежнему. В это время Жене удалось взять несколько крупных заказов, и можно было перевести дух. Сенька поехал, наконец-то, на море, в детский лагерь под Анапой. Марк опять исчез. Потом вернулся и сказал, что нашел халтуру в другом городе, уедет на месяц и заработает очень прилично. Она была рада, упаковывала ему чемодан, а он слонялся по квартире и торопил. Уехал.

Вернулся не через месяц, а через два, но зато на новенькой машине, на «Вольво». И одет был непривычно дорого и элегантно. Дал ей тысячу долларов и снова уехал. Это было прошлым летом.

Больше он ей денег не давал, иногда возвращался на пару недель и снова исчезал на месяц. Говорил, что работает в соседней области техническим директором в крупной фирме, но жизнь там дорогая, и зарплаты его едва хватает на аренду жилья и еду. И одеваться ему теперь нужно не на рынке. Пресекал все попытки приехать посмотреть, как он там устроился, и телефон не давал, дескать, на работу звонить ему неудобно, а в снимаемой квартире телефона нет. А потом ей сказали... Потом ей сказали, что видели его в ресторане с какими-то женщинами. Да, сослуживец сказал, он ездил в тот город в командировку, вот и увидел. Так

вот, одна из женщин была явно с ним... ну, в общем, это сразу видно: поцелуи, танцы с объятиями, разговор...

Он приехал, и она заставила себя спросить.

И тут он смерил её взглядом и сказал, что она сама напросилась, что он нормальный мужик, что ей для того, чтобы оставаться привлекательной для него женщиной, нужно жить не только работой, превращаясь в клячу...

Тогда она не заплакала, что её саму озадачило. Наверное, была готова к такому ответу и внутренне с ним согласна. Действительно, не юная девушка, тридцать пять уже... И не холёная бизнес-вумен или супруга состоятельного мужа, утруждающая себя только в шейпинг-клубе. Она – рабочая лошадка, привыкшая к недосыпанию и давно забывшая, что такое массаж, неспешный разговор с портнихой или расслабленное лежание в солярии. Забежать в парикмахерскую, самой сделать наспех маникюр, купить платёжничко в первом встречном магазине и наложить на лицо маску из огурца или клубники – вот и весь уход, на другой времени и сил просто не было. И хотя фигура её почти не изменилась, не расплылась, как у многих её знакомых, все равно – и лицо, и руки, и спина, всё говорило о том, что её давно не волнует внимание мужчин, что заботят её не заинтересованные взгляды, а только семья и работа. Такой образ. Образ жизни создает образ женщины. Никуда не денешься...

Марк возвращался ещё несколько раз, стелил себе в гостиной на диване, с ней почти не разговаривал, да и она избегала общаться с ним. Он стал чужим и непонятным, пахло от него новым, незнакомым мужчиной. И к этому запаху примешивался запах другой женщины, точно так же, как раньше её собственный запах.

Сенька вопросов больше не задавал, хотя, кажется, понимал всё. Просто весной хмуро сказал ей: «Лучше бы ты с ним развелась, чем так мучиться». И она молча кивнула и прижала к себе востропанную Сенькину голову. Да, пора. Пусть Марк живет так, как ему нравится. Она ему не нужна. С этим решением она и поехала сюда, к морю. Перевести дыхание, прийти в себя. И совсем не собиралась что-то рассказывать друзьям. А теперь сидит и зачем-то выкладывает всё Митьке. Зачем? Ах да, расписка... Выходит, Марк взял в долг у Вершинина деньги ещё тогда, во время своей первой поездки. Так куда он ездил?

–

Митя, ты знаешь, где живет... жил Сашка?

–

Кажется, где-то неподалеку, в Краснодаре, что ли.

–

В Краснодаре?!

От их города до Краснодара было около тысячи километров. Как Марка занесло в такую даль? Или это Сашка приезжал к ним? Да какая, в сущности, разница. Марк уже тогда врал, не заработал он на машину и новые дорогие шмотки, а заложил их жилище, их единственное настоящее богатство, заработанное трудом и потом.

–

Женя, – поднял голову Палий, до этого сидевший ссутулившись и уперевшись локтями в колени, – а как Марк мог заложить вашу квартиру, ведь не он один её хозяин?

–

В том-то и дело, – вздохнула она. – Собственность оформлена на него. А мы с Сенькой только прописаны... – Тут она рукой зажала себе рот и замолчала.

Палий понял её внезапный испуг и в темноте нашарил холодные пальцы, стиснул, встряхнул. Она молчала, потерянно и послушно оставив ему свою ладонь, постепенно выбираясь из страха и растерянности.

–

Теперь скажи, откуда майор взял эту расписку? В Сашкиных вещах нашел?

—

Да, он так сказал. И спросил, видела ли я раньше эту бумагу. Я не видела, правда, Митя.

—

Я знаю, он ведь не в кармане её таскал... раз сухая осталась...

—

Да, она явно не побывала в воде, не намокала, — её передёрнуло.

—

А раз сухая, то он тебе её не мог показать, так ведь? Ты же не заходила в его комнату?

—

Не заходила, и расписку не видела. Хотя он мне намекнул.

—

Кто?

—

Да Сашка... Когда я его встретила в аллее, он пообещал завтра поговорить со мной. О Марке. Я не поняла, но тон у него был гадкий. А Караваев не верит, что я вообще о долге не знала, муж ведь... Как можно было не знать?

—

Но ты ему объяснила? — Палий спрашивал, уже зная ответ. Конечно, ничего ему Женька не стала объяснять. Она бы и ему, Палию, ничего бы не сказала, если бы не была в таком состоянии.

—

Знаешь, Митя, это все так сложно объяснять даже тебе, не то, что постороннему человеку. Я не смогла.

Тут вдруг кто-то грохнул дверью и заорал в сонной вечерней тишине:

—

Митька! Палий, черт тебя побери! Ты куда пропал?! Быстро иди сюда! На допрос вызывают!

—

Ты ступай, — попросила она. — А я тут посижу, подожду. Сигареты вот только...

—

Держи! — он сунул ей пачку и зажигалку и сорвался с места, чуть не бегом исчез, с шуршанием разметая в темноте ветви.

ГЛАВА 5

—

В общем, вот и все, что я запомнил, — Палий откинулся в кресле.

Караваев отметил, что рассказывал он о событиях вчерашнего вечера и ночи спокойно, даже с некоторой снисходительностью и иронией. Да, самообладание у этого с виду весьма преуспевающего мужчины, будь здоров. Покрепче, чем у остальных. Особенно Игоря Ивановича смутила нервозность и озлобленность Надежды Кузьменко, не только не сказавшей о своих однокурсниках ни одного доброго слова, но и активно помогавшей ему выстроить версии любой возможной виновности каждого из них. Остальные дергались, нервничали, но горой стояли за друзей. А Надежда все время повторяла, что у неё с Вершининым всегда были отличные отношения, а вот с остальными у него... Особенно с Гоблином... Тьфу, с Дунаевым и Палием. Он порывался в листочках, на которых фиксировал моменты, заинтересовавшие его особо, и спросил:

—

Дмитрий Александрович, а что за история произошла между вами и Кристиной Михеевой ещё в институте?

—

Между мной и Кристиной? – искренне удивился Палий. – Но ведь это было так давно. Полудетская влюбленность, охи-вздохи, объяснения и расставания. Вспоминать, конечно, занятно... Только Кристи давно нет на этом свете, так что я стараюсь не вспоминать. Грустно. Всё это продолжалось недолго, пару месяцев, от силы три. Потом её сердце завоевал Борис, и я её уже не интересовал.

—

А ваше сердце кто завоевал? – в голосе майора звучал умеренный интерес и Палий усмехнулся.

—

А у меня тогда, кажется, случился скоропостижный и рискованный роман с Наденькой. Да, именно с ней. А вы что, решили составить летопись наших институтских увлечений?

—

Обязательно, Дмитрий Александрович. И не только увлечений, но и конфликтов. Сами подумайте, собираются люди, много лет друг друга не видевшие, и почти немедленно один из них умирает. Что могло быть причиной? Правильно, многое. В том числе, и давние события: обида, переросшая в ненависть, последствия чьих-то необдуманных поступков. Вы меня понимаете?

—

Понимаю, – вздохнул Палий. – И сочувствую. Потому что наша компания отличалась редкой влюбчивостью и переменчивостью интересов. Вот, к примеру, я. С кем только у меня романов не было. Вспомнить приятно, ей-богу!

—

И с кем не было? – занес острие ручки над бумагой майор.

—

Ну... С Алиной – был, С Ольгой – был, но в какой-то невразумительной форме. Короче, отшила она меня почти сразу, как и Ваську. Ольга всегда расчетлива была, зачем ей малобюджетные студенты?

—

А от кого у Ольги Гилберт дочь? – моментально среагировал Караваев.

—

Ну, если вы с Наденькой уже беседовали, то она наверняка вам сразу это сообщила. Впрочем, это знали все, потому что трагедия разыграна была просто неистового размаха. Алик Искандеров едва ноги унес. Так что Ольгины расчеты не всегда себя оправдывали. Хотя девочка растет – просто загляденье, красавица и, похоже, умница.

—

Ну, продолжим ваш «список Донжуана», Дмитрий Александрович. Дина Марцевич?

—

Динка всегда была слишком правильной. Ну, знаете, из тех, кто после третьего поцелуя ведет кавалера знакомиться с мамой, бабушкой и тремя незамужними тетками. Так что никто старался до третьего не доводить. – Палий вытянул ноги и пожалел, что не поднялся наверх за сигаретами. Майор заметил его взгляд брошенный на полную окурков пепельницу и придвинул ему пачку «

LM

». – К тому же Дина вышла замуж, на третьем курсе, за Лёньку Марцевича. Он на два курса старше нас учился.

Выудив сигарету и прикурив, Палий почувствовал себя значительно лучше.

—

Так, понятно. А Евгения Аркадьевна Шереметева? – Караваев специально акцентировал отчество Жени, но Палий никак не отреагировал.

–

А с Женькой я просто не успел, она как-то сразу и безоговорочно влюбилась в Марка, и они довольно скоро поженились. А отбивать чужих жен – не в моих правилах. – Он глубоко затаился и выдохнул клуб дыма, окутываясь им, словно занавесью.

–

Скажите мне, Дмитрий Александрович, о чем конкретно вы разговаривали с Диной Марцевич ночью на балконе? – Майор тоже закурил, но таких дымовых завес, как Палий не устраивал, курил в сторону.

–

А она вам не сказала, Игорь Иванович?

–

Нет, она ловко обошла эту тему, а я не настаивал, – почти честно признался Караваев. На самом деле Дина твердо заявила, что этот разговор касался только Палия, вот пусть у него и спрашивают.

–

Мы, Игорь Иванович, – словно смакуя имя и отчество майора, произнес Палий, – разговаривали с Диной о моей личной жизни. Её моя бывшая жена попросила навести справки, с чего это я от неё так быстро и далеко сбежал.

–

И с чего?

–

Если вам действительно интересно, я, конечно, могу рассказать. Но уверяю вас, это не имеет ни малейшего отношения к убийству Вершинина. Женился я уже после окончания института, никто, кроме Дины, с моей бывшей женой не знаком, так что...

–

А причина вашего развода?

–

И причина развода – тоже. Если вы намекаете на то, что Вершинин имеет отношение к моему желанию развестись, или я, допустим, сбежал от супруги с одной из его пассий, то вы ошибаетесь. Причиной моего развода стало только то, что жизнь с женой стала для меня невыносима. А кроме того, меня волновало психическое состояние дочери, росшей в обстановке постоянного крика и истерик матери. Так что я теперь спокойно живу вдвоем с дочкой, и Сашка Вершинин к моим семейным коллизиям никаким боком не причастен.

«Как, однако, виртуозно формулирует» – позавидовал Караваев. Устал он к этому времени уже изрядно, сложно вникать в многолетней давности отношения впервые увиденных сегодня людей. А ещё ему удалось составить довольно подробный хронометраж вчерашней ночи. Правда, время все указывали приблизительно, но последовательность событий и схема перемещений всех участников вчерашней пирушки постепенно вырисовывалась. Если бы только не кое-какие непонятные провалы в ней. И не откровенная лож некоторых действующих лиц. Теперь ему оставалось только сопоставить слова разных людей и попытаться восстановить реальную картину. Или идти к ней, продираясь через тени прошлого.

Палий ткнул в пепельницу докуренную почти до фильтра сигарету и вопросительно уставился на майора. Тот качнул головой:

–

На сегодня, пожалуй, всё. Завтра я приеду, чтобы уточнить кое-какие факты.

–

Ну, это ваша работа, – вежливо ответил Палий. – Значит, до завтра.

—

Счастливого оставаться. — Майор поднялся первым и собрал со стола бумаги.

—

Какое уж тут счастье... — пробормотал Палий и вышел из библиотеки.

Они сидели в гостиной. И были странно молчаливы и задумчивы. Впрочем, все понимали, что по крайней мере на ближайшее время веселье закончилось. Жени среди них не было, и Палий вспомнил, что она обещала ждать его там, среди кустарника, на едва не сломанной их эмоциями скамейке. Она и была там, пряталась в темноте, только слабый свет из окна второго этажа давал возможность рассмотреть сидящую боком, обхватив колени руками, знакомую фигуру.

—

Ну, как ты тут? — спросил он и сел рядом. Потом попросил: — Дай сигарету, а то этот майор курит облегченные, а у меня от них жуткая изжога.

Вспыхнул крошечный огонек, и он, наконец, затянулся своим «Честерфилдом».

—

Я никак, — ответила Женя, и ему понравилось, как звучит её голос. В нем уже не было прежнего смятения и паники. Видно было, что она не накручивала себя всё то время, пока он был в библиотеке и общался с майором. Наоборот, она по кирпичикам восстанавливала спокойствие, и теперь, пожалуй, была в порядке, большем, чем даже днем, до того, как увидела расписку Марка.

—

Ты не можешь быть никак, — поправил он её. — Ты, Женька, сильная. Сильнее нас всех. И мне очень стыдно, что тебе пришлось стать такой сильной.

—

Митя, сейчас я просто не могу себе позволить рефлексировать. Меня в очередной раз загнали в угол, и нужно как-то выбираться, а не растекаться талым воском.

—

Знаешь, то, что ты мне рассказала, было для меня полной неожиданностью. — Он помолчал, только красный огонек сигареты то разгорался до желтого цвета, то почти умирал. — Можно сказать, что я пока ещё не до конца осознал, что речь шла о Марке, а не о совсем неизвестном мне человеке.

—

В том-то и дело, Митя, что и я сейчас все время думаю, куда исчез настоящий Марк. Тот, что остался — не он... Когда я прозевала, упустила момент? Мне страшно, потому что этого нового Марка Шереметева я, оказывается, совсем не знаю.

Марк не был близким другом Палия. Как-то так получилось, что у него вообще близких друзей было очень мало, разве что Серёга Семляков, партнер по школьным мелким хулиганствам и удивительным открытиям в литературе, музыке и жизни, друг, на которого Палий мог рассчитывать в любое время дня и ночи, в любых, самых опасных ситуациях. Но Серёга служил на Севере, и приезжал в родной город редко, на пару недель. Да, ещё есть Машка и отец, сейчас сильно сдавший, страдающий от полиартрита и с трудом удерживающий в негнущихся руках кисть. После отдыха на море Палий планировал навестить отца и уговорить его все-таки переехать к ним с Машкой, хватит быть вдалеке. Надежда на это была слабой, но попробовать стоило.

—

Мить, а что у тебя этот советник-майор спрашивал? — поинтересовалась Женя.

—

Не поверишь, но его страшно интересовали наши студенческие романы и ссоры. Кто с кем, когда и почему, — хмыкнул Палий. — Просто в лучших традициях жанра. Он подозревает,

что кто-то приехал сюда, чтобы отомстить Сашке Вершинину за разбитое сердце или зажиленную на экзамене по строймеханике шпору.

—

Ты серьезно?

—

Серьезней некуда, он составляет график наших любовей пятнадцатилетней давности. Или сколько уже лет прошло? В общем, похоже, Надюшка ему такого о нас порассказала, что он вообразил прямо-таки шекспировские страсти, и сейчас роется в них. Если честно, я ему не завидую...

—

А пойдем-ка к ребятам, — спохватилась Женя. — Наверняка они сейчас обсуждают события. Незачем нам оставаться в неведении и меланхолии.

—

Пошли! Сеанс психотерапии на сегодня закончен, — Палий вскочил на ноги, едва не перевернув злополучную скамейку, и поклонился.

—

Так вот что это было, — иронично удивилась Женя. — Ладно! Надеюсь, что у меня будет возможность оказать тебе аналогичную услугу и выслушать твои стенания.

—

У тебя будет такая возможность, — торжественно пообещал он. — Как только у меня возникнет желание излить слёзы, я немедленно прибегу к тебе. Готовь жилетку!

ГЛАВА 6

Когда они вернулись в дом, то поразились странному уюту и какой-то не совсем уместной расслабленности, воцарившейся после того, как уехал Караваев. В библиотеке погасили свет, и сияние витража её двери перестало раздражать напоминанием о тягостных разговорах, произошедших за нею. В холле тоже выключили верхние лампы, оставив только бра, под которыми стояли все те же букеты неестественно свежих роз. Женя всегда умела почувствовать ауру дома, и аура Борькиной дачи ей нравилась, несмотря ни на что. Несмотря на то, что из гостиной раздавались повышенные голоса, и кто-то явно грохнул кулаком по столу.

А Палий подумал, что хоть и роскошный дом у Бориса, стильный, красивый и уютный, но все равно, их с Машкой деревянный, уже начавший темнеть от времени, но все равно добротный и теплый, ничуть не хуже. А тот, который он начал строить неподалеку, на берегу широкой реки, на крутогоре, поросшем полынью и кашкой, будет ещё лучше. Добрей.

Дверь распахнулась, и в холл выскочила Алина Ротман. На её смуглых щеках полыхали красные пятна. Едва взглянув на Палия и Женю, она исчезла в боковом коридоре. Голоса стали слышней, и они, переглянувшись, вошли в гостиную.

—

А, вот и сладкая парочка явилась! — прошипела Надежда. — Нагулялись? А то тут такой цирк-шапито, смотрите, не пропустите!

—

Наденька, ты бы остыла, что ли, — ласково ответил ей Палий. — Тебе злость не идет, желчь на цвет лица влияет.

Надежда фыркнула, но промолчала — почувствовала, что терпеть её выходки не собираются. Борис, до этого сидевший в кресле, задумчиво почесал нос, закатил глаза, встал и исчез вслед за женой.

—

Что тут случилось? — тихо спросила Женя, подсаживаясь к Дине.

—

Разборки устроили. Майор, разговаривая с Борисом, сильно интересовался историей смерти Кристины, Боря спросил Надьку, что она насочиняла про их отношения с Кристиной и зачем к ним приплела Вершинина. Ну и началось. Я уже и сама не понимаю, что же тогда случилось, ведь, вроде бы, мы договаривались больше об этом не вспоминать.

—

Договаривались... — Женя поежилась.

Да что же это такое?... Она обвела взглядом сидящих с разными выражениями лиц однокурсников. Ольга, напряженная и подавшаяся вперед, словно хотела что-то сказать, да так и не решилась, Дина, грустная и отрешенная, кажущаяся слишком хрупкой в своем синем шелковом платье, Вася, угрюмый и красный, как рак. Только Гоблин оставался относительно спокоен. Исполнять его коронный номер с чтением газеты при таком освещении было невозможно, и он неспешно шуровал кочергой в слабом пламени камина. Но дров не подкидывал, а разбивал угли, словно торопя огонь поскорее догореть и погаснуть. Сидящая на корточках перед камином фигура выглядела гротескной, как готическая скульптура — прилизанные волосы, торчащие уши, сутулые плечи. Горгулья.

Женя всегда жалела Никиту, хотя он всячески демонстрировал, что ни в чем сочувствия не нуждается. Но уже тогда, когда они собрались впервые в актовом зале института, поступившие на первый курс, гордые тем, что прошли немалый конкурс, она, заметив некрасивого и старающегося быть незаметным парня в сером костюме, с синим галстуком на белоснежной крахмальной рубашке, поняла, как тяготит того собственная внешность.

Обычно наружность человека играет в его жизни ровно настолько важную роль, насколько серьезно он к ней относится. Есть дурнушки, которые привыкли так себя преподносить, что их считают красавицами — та же Ольга с её простенькой мордашкой и невыразительными глазками, отродясь не появляющаяся на людях без тщательно продуманного макияжа, уложенных феном волос и гордо вздернутого подбородка. Ольгу всегда считали если не красоткой, то весьма и весьма симпатичной. После душа Ольга выглядит совершенно иначе, но кого это волнует?

Или Дина — почти идеальная фигура, роскошные волосы и глаза дикой лани. А ведь для того, чтобы это заметили окружающие, Жене и Кристинке пришлось устроить ей целый скандал и буквально вытряхивать затурканную дурацким воспитанием Динку из балахонов, сшитых бабушкой, потом впихивать в джинсы и майку и заставлять расплетать косы, стягивающие виски, словно лошадиная узда, и скрывающие от посторонних глаз каскад темных локонов. Когда Дина, сгорая от смущения, впервые появилась в новом виде перед лекцией по физике, парни разве только челюсти на тетрадки с конспектами не уронили. Да и девчонки остолбенели. А Борька Ротман минут пять мёл шляпой пол у ног сказочной красавицы.

Никита был некрасив непоправимо. Широко расставленные выпуклые и бесцветные глаза, нездоровая, изрытая какими-то мелкими шрамами кожа, волосы, которые, отрастая, превращались в сосульки, а коротко стриженные не могли прикрыть розовую, просвечивающую сквозь них кожу... Женя знала, что Гоблин одно время пытался заниматься в тренажерном зале, в надежде хотя бы фигуру чуточку изменить, но увы... Все те же сгорбленные плечи, непомерно длинные руки и косолапая походка. Однажды его называли Квазимодо, и он жутко взъярился. Но прозвище Гоблин воспринимал вполне мирно, даже с некоторой гордостью. Может быть, потому, что его придумала Кристина?

Но характер у него был сильный. Такому только позавидовать можно. Гоблин предпочитал оставаться малозаметной тенью, умной и ироничной, всегда готовой принять участие в любой аванюре, но... на вторых, даже третьих ролях. Женя тогда думала, что если бы их компания отвергла Никиту, он окончательно превратился бы в мизантропа. Но Никиту безоговорочно признавали своим и с уважением относились к его желанию постоянно забиваться куда-то в угол. Он и в этом углу все равно был с ними. Каково ему было остаться одному, когда они

разъехались после окончания института? Никита так и не женился. На её памяти он ни разу не осмелился открыто поухаживать за девушкой, даже намекнуть кому-либо из них о своей симпатии. Но ведь не железным он был, в конце концов. И не голубым, она иногда замечала, как он издали смотрел на Ольгу, Дину или Кристину. Просто он раз и навсегда решил для себя, что лучше даже не пытаться проявлять свои чувства. Потому что был уверен, что их отвергнут. Так что лучше молчать, чтобы не получить ещё один удар по самолюбию или плевков в душу.

Тут Никита обернулся и посмотрел на неё. Глаза его были печальными, словно у большой старой собаки. Жене стало неудобно, что она так в упор рассматривала его, наверняка он почувствовал. В камине тлели уже только угли, по которым изредка пробежали прозрачные язычки пламени, и в свете этих призрачных протуберанцев лицо Гоблина казалось сказочно мудрым.

Митя тихо разговаривал о чем-то с Васей Пинчуком, Вася постепенно обретал нормальный цвет лица и перестал пыхтеть, словно паровозик, что было обычным признаком Васиного волнения и негодования.

—

Женька, тебе налить вина? — Ольга потянулась к бутылке.

—

Давай. Пожалуй, сегодня лучше выпить, как следует, иначе не засну. — Женья перевела взгляд на стену, где вчера висело казавшееся декоративно-игрушечным оружие. — А арбалет куда делся?

—

Не знаю, наверное, сняли, чтобы глаза не мозолил. Держи! — Ольга передала через Дину стакан и уселась, нахохлившись и сцепив пальцы на коленях. И это Ольга, которая когда-то ради прямой спины простаивала по часу в день у стены с книжкой на голове. И чтобы лопатки непременно касались обоев.

—

Вы мне можете объяснить, что тут случилось, отчего Алина и Борька сбежали?

—

Жень, просто нервы у всех сегодня ни к черту. Не нужно было Борису начинать этот разговор про Кристину. Вот и договорились бог знает до чего.

—

А до чего мы договорились? — внезапно ошетинился Вася. — До того, что Алька Кристинке тогда настоящую подлянку устроила! Крыське и так хреново было, а тут Алинушка со своими откровениями. И Сашка тут точно при чем-то был...

Никита внезапно швырнул кочергу в угли, так, что кверху взвились искры, и резко встал. Женья подумала, что он сейчас схватит Васю за грудки, но он только сумрачно глянул на него и пожал плечами:

—

Если точно не знаешь, при чем, то и молчи лучше. А то, как Наденька, ей-богу...

После этого он уселся в кресло, выбрав, как всегда, стоящее в самом углу, и замолчал. Но что-то неуловимо изменилось в нем, Женья это чувствовала и не могла понять, в чем дело. Никита словно стал свободнее — как птица, выбравшаяся из клетки и усевшаяся на ней с независимым видом уже не та, что прыгала по жердочкам за решеткой. Ей тоже захотелось ощущения независимости и внутреннего удовлетворения, отзвук которого она только что уловила в Гоблине, но пока у неё это не получилось.

—

Ребята, у меня такое впечатление, что та наша клятва больше никогда не касаться событий на кафедре стройматериалов, сейчас служит нам плохую службу, — задумчиво сказал Палий. — Произошло убийство, и прежде всего в наших же интересах понять, кто это сделал.

Если для этого нужно нарушить табу, мы можем его нарушить. В конце концов, мы сами его создали...

—

Митя, да мы все понимаем. Просто никто не уверен, что та история связана с этой... — отозвалась Дина и неожиданно пересела поближе к Гоблину, укрылась почти в абсолютную тень, и только руки её остались хорошо видны в свете небольшой лампы, стоящей на каминной полке.

—

Но если не уверены, тогда тем более нужно разобраться, — настаивал Палий, и Женя вдруг подумала, что это ради неё он хочет устроить сейчас обсуждение. О расписке Марка пока, кажется, кроме них двоих никто не знал. Что будет, когда узнают?

Тихо открылась дверь, и появился Борис. словно усталый кот, потянулся и плюхнулся на диванчик.

—

Алина сейчас придет, — сообщил он. — Ребята, поймите, если бы в вашем доме... рядом с домом случилось такое, вы бы тоже были не в своей тарелке.

—

Да мы понимаем, Борь, — погладила его по локтю Ольга. — Мы все давно научились понимать друг друга. Иногда даже слишком хорошо.

—

Вот именно. — Палий говорил жестко и глухо. — Именно потому, что мы все понимали, что с Кристи тогда случилось, мы и договорились больше не трогать эту тему. Но почему мне сейчас кажется, что мы просто чего-то не знали? Или не поняли...

—

Вы не знали о том, что тогда на кафедре Алина назвала Крыську проституткой. И сказала ей, что такой её считает и Борис, — выпалила Надежда и зло усмехнулась. — А ведь Алина знала, что я это слышу, я сидела за перегородкой и зубрила формулы к лабораторной. Потом уговорила меня молчать...

—

Не просто уговорила, — сквозь зубы процедила Алина, словно призрак возникая в дверях. — Митя, налей мне, пожалуйста, вон из той бутылки, что около тебя. Я тебе свои сережки с топазами отдала, как ты и требовала. Чтобы ты свой грязный язычок в узде держала. Иначе фиг бы ты промолчала тогда. Про то, что ты там сидишь, наострив уши, я, к сожалению, просто забыла.

Воцарилась тишина. Полумрак теперь физически ощущался как плотная, густая субстанция, и они застыли в этой субстанции, словно разноцветные жуки в тягучей смоле. Почти никто не двигался, только голоса, приобретшие странную самостоятельность и достаточность, жили собственной жизнью, убивая прошлое и создавая его пока ещё бесформенный дубликат.

—

Так вот, как оно было... — протянула Ольга. — Но все равно, я Кристинку знала хорошо. Не стала бы она из-за этого... В крайнем случае, проревелась бы где-нибудь в уголке.

—

Она и ревела, — буркнула Дина. — Когда я в лабораторию заходила, она там плакала. Я спросила, что случилось, она ответила, что ничего. До сих пор себя казню, что не осталась с ней, что потащилась сдавать курсовой, сгори он синим пламенем! — было видно, как сжались тонкие пальцы, побелели косточки на них.

—

Ты тогда это рассказывала. Почти теми же словами... — грустно заметил Вася. — А я, как назло, до лаборатории не дошел, все одно к одному складывалось. Меня секретарша из

деканата перехватила и потащила объяснительную за прогулы писать. А потом уже поздно было...

Большая комната, почти погасший камин, пол, застеленный двумя огромными шкурами – справа и слева от камина, и такие же шкуры на стенах. И оленьи головы, кабаньи морды, скрепленные ружья на стене слева, кованные подсвечники... Узорчатые металлические плиты, которыми вымощен пол перед очагом, стрельчатые окна, забранные настоящими витражами, а не подделкой, наклеенной на обычное стекло. Странная комната, приснившаяся Борьке когда-то, когда они и не думали о собственных домах. Большой бар, стилизованный под старинный буфет, глубокие кресла, обитые темным плюшем и деревянные столики с самыми разными бутылками и стаканами. Интерьер чего-то среднего между замком и охотничьим домиком, место, где собрались старые друзья, чтобы предаться воспоминаниям. Вот и предались... В этот момент Женя была почти зла на Сашку Вершинина, которого угораздило умереть самым неподходящим способом и разрушить не только их планы беззаботно отдохнуть и побыть вместе. Он, кажется, начал разрушать и нечто большее. То, что, как всегда считала Женя, определенно раздражало Сашку – их сложную, но крепкую дружбу, ощущение надежного плеча рядом, уверенность в том, что это неизбежно и бескорыстно. А сейчас камни, из которых складывалось все это, начали с тихим шорохом осыпаться. Это было страшно. Что-то ещё громко говорила Ольга, в ответ слышались злые реплики Васи. Митя резко встал, потом опять сел, закурил и неожиданно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.